

Виктор
СБИТНЕВ
г. Кострома

ГРИБНОЙ ДИРЕКТОР

повесть

Пролог

«Есть небольшое сельское кладбище...»

И.С. Тургенев

Когда до Межи оставалось менее десяти вёрст, Виктор Сергеевич всегда начинал волноваться. Вот и теперь, едва за окном внедорожника замелькали знакомые с детства названия сёл и деревень, он так напрягся, что сын, тревожно глянув на него, спросил, заикаясь:

— Пап-па, тебе чего, плохо? Может, валидолу под язык?

— Нет, не стоит. Просто очень давно здесь не был и немного волнуюсь... с непривычки. Жизнь моя в последние годы текла, знаешь ли, монотонно. Один день похож на другой как две капли воды: дом — работа — дом. Этакая дорожка к уже замаячившему впереди финишу. И вдруг этакий прыжок назад, сразу лет на сорок, в молодость, и даже, я бы сказал, в детство. Давно этого ощущения не испытывал, вот и сдрейфил немного.

Сын понимающе качнул головой и, чтобы как-то отреагировать на услышанное, немного добавил оборотов. В это время из-за перелеска показалась соседняя с Межей Соколиха, раскинувшаяся под бесконечной Столбинской горой, с которой тоже там и сям пестрели крытые то железом, то шифером крыши изб и хозяйственных построек, которых, впрочем, было заметно меньше, чем в минувшие годы. Но главное, разительно переменялись окрестные поля: густо засеянные прежде разноцветными культурами, нынче все они отливали единым жёлто-серым оттенком и шершаво топорщились там и сям дрянными березняками и осинниками, занесёнными сюда шальными ветрами да пролётными птицами. Одно слово, бесхозная, ничейная земля.

А ведь когда-то, размышляя про себя Виктор Сергеевич, из-за каждого её гектара, да что там гектара, метра квадратного, то и дело разгоралась в этом краю нешуточная война. Он вспомнил, как его деда за полтора прирезанных к огороду метра едва не отдали под суд. А ведь и вышло-то у него случайно. Просто старый забор подгнил и покосился, и дед обнёс его новым, поскольку через образовавшиеся дыры стали проникать к огородной картошке и иной необ-

ходимой для жизни зелени разные незванные лесные обитатели. Из района даже приехал в связи с этим капитан милиции составлять протокол.

— Товарищ капитан, да зачем же протокол-то? Ведь если бы я эту землю у кого-то украл, от чужого огорода или поля колхозного оттяпал — тогда другое дело: вяжите меня, кулака-бухаринца. Но ведь кругом земли-то непаханой — километры! И никто на неё не дерзает. А тут из-за нескольких квадратов сразу протокол — и в кутузку!

— Никто вас арестовывать не собирается, Михаил Павлович, — успокоительным тоном отвечал милиционер. — Но штраф заплатить придётся.

— Ну, спасибо, кормильцы, уважили, — с приторной благодарностью отвечал нудящему милиционеру всегда ироничный дед. — Сынок, да ведь я инвалид войны, три пули за эту землю от немчуры получил. Считаю, одной рукой и забор вот этот поставил. Нет чтобы помочь, а вы — штраф... с моей инвалидной пенсии!

— Забор придётся разбирать, — упрямо гнул свою линию капитан. — Пожалуйста, ставьте на месте старого. Никто и возражать не будет.

От этих воспоминаний Виктора Сергеевича даже зазнобило неожиданно, хотя за окном полетнему жарило солнышко бабьего лета.

— Мишаня, останови на пару минуток, — попросил он сына и стал промокать носовым платком вспотевший лоб.

Вышли из машины.

— Видишь вон тот белый храм на горе? — желая отвлечь забеспокоившегося сына, спросил Виктор Сергеевич. — Это село Старинское. В нём венчались моих деда и бабушку. Ты когда на Ирке жениться будешь?

— Пап, а стоит ли? Она и не хочет особенно, видно, считает, что ещё не нагулялась в девках, — с кислым выражением отвечал Михаил.

Виктор Сергеевич тем временем растёр на ладонях головки первого попавшегося ему лугового цветка и, задохнувшись его пылью, зашёлся судорожным кашлем. Сын несколько раз гулко приложил его ладонью по спине.

— Если так, то лучше не женись. У вас нынче всё проще: как говорится, пообщались — разбежались. И все дела.

— Отец, ты не прав. Всё всегда было одинаково. В жизни просто есть твоя вторая половинка. За-

дача — найти её. Ирка не моя половинка, я это понял. У неё другая судьба, и дай ей бог. А я... — сын виновато глянул на отца и, изобразив в воздухе некую стереометрическую фигуру, добавил как-то уже про себя: — Папа, может, подскажешь чего? У тебя же в этом деле такой опыт! Мама рассказывала, что у вас на курсе училось всего трое мужиков, а остальные семьдесят — дамы.

— Нас было поначалу четверо. Я, Вольдемар Хасминский, Панасенко и Лёва Фишер. Потом Лёва ушёл на заочку, принял на себя вневедомственную охрану города. Панас, он уже в армии успел отслужить, на втором курсе заболел белой горячкой, а Вольдемар перевёлся в другой вуз, в Питер куда-то — я не узнавал...

— Пап, а что вдруг горячка-то у твоего Панасенко? Говорят, она от пьянства? — спросил сын.

— Так он и пил по-чёрному. Родители у него хорошо зарабатывали и, видно, отстёгивали ему неплохо... Словом, денежки у него всегда водились, хоть он и не подрабатывал, как я.

— А ты где подрабатывал, отец? — спросил сын, повернувшись вполоборота.

— На товарной станции грузил, в магазинах тоже. Знаешь, физическая сила всегда востребована! — отвечал Виктор Сергеевич.

Автомобиль въехал в Межу. Впрочем, Межа была слева, а справа синели ельники, густые хвойные боры, в которых водились грузди. Проехав по чудом сохранившемуся асфальту центральной улицы села, внедорожник упёрся в знакомый Виктору Сергеевичу сельмаг с вылинявшими грязно-зелёными стенами. На двери магазина висел невероятных размеров замок, а под дверью кто-то навалил огромную кучу и накидал с полдюжины пузырьков из-под дешёвого одеколлона. Было очевидным, что в торговое заведение давно никто не заглядывал: ни покупатели, ни продавцы...

— Папа, ну отчего у нас повсюду такое свинство? — спросил с брезгливостью сын. — Кругом столько пустоши: гадь на любом порожнем гектаре, никто даже не увидит. Нет, надо обязательно на видном месте. Откуда это в нас? Национальная черта такая или...

— «Или», сынок, — отвечал убеждённо отец. — Ещё прабабушка Анна рассказывала мне, как в семнадцатом году здесь разорили барский дом.

Ворвались в него скопом под предводительством некоего пришлого сапожника Кринкина, избили прислугу и стали грабить... И, знаешь, нет бы тащить барское имущество по своим убогим избёнкам, так они его стали уничтожать. С наслаждением рвали на улицах атласные простыни, били дорогую посуду, крушили изящную мебель. А когда с имуществом было покончено, сожгли и сам двухэтажный особняк барыни. И всё неистовствовали при этом: «Бей буржуев!» Потом примерно та же участь постигла и местную церковь времён Екатерины Великой. Её, правда, не сожгли, а всего лишь учинили в ней зернохранилище, сладострастно уничтожив перед этим церковную парчу, иконы, кресты и прочее убранство. И это, заметь, православные крестьяне. Потом им пришлось строить клуб... по типу эдакого барака, хотя не сожги они барских хором, то чем не клуб? «Искореняй собственность, уничтожай красоту!» — вот откуда в нашу культуру помой протекли. И, думаю, эта куча под дверью магазина есть запоздалое эхо той переломной эпохи. Однако поехали к кладбищу, постоим у родных могил.

Межевское кладбище появилось неожиданно из-за одичавшей дубовой рощи, в которой некогда Виктор Сергеевич, будучи учеником местной восьмилетки, собирал жёлуди для изготовления разного рода фигурок людей, животных, птиц и даже неких лесных духов, о которых доверчивым сельским ученикам охотно рассказывала высокая худая учительница начальных классов Анна Васильевна по прозвищу Вышка. Сейчас же в этой роще не то что желудей, брёвен бы было не разглядеть, поскольку к огромным, где подгнившим, а где растрескавшимся стволам повсюду липла десятилетиями не кошенная трава — и не трава даже, а некая спутанная грязно-зелёная масса — «дичь». Обогнув рощу по кладбищенской дороге, внедорожник упёрся в полуоткрытые ворота с покосившимся осиновым крестом поверху. Михаил вопросительно глянул на отца и, получив утвердительный кивок, выключил зажигание. Ступив под кладбищенские сени, Виктор Сергеевич невольно стал воспроизводить заученное ещё в школе:

— «Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдалённых уголков России. Как все наши кладбища, оно являет вид печальный...»

— Отнюдь, папа, — возразил Михаил. — Вот кладбище-то как раз очень ухожено, а главное, здесь нет ощущения потока смерти, которое всегда возникает на кладбищах городских. Тут очень уютно, как в парке детства, что ли, куда по привычке нет-нет да и зайдёшь отдохнуть от надоевшей суеты, подумать, погрустить, что-то решить для себя.

В ответ Виктор Сергеевич благодарно глянул на сына и, взяв его за локоть, повёл к могилам своих бабушек, дедушек, тёток и иных загостившихся в этом «парке» родственников. Когда все родовые могилы были неторопливо обойдены и даже обихожены, Виктор Сергеевич удовлетворённо выдохнул и, грустно улыбнувшись, сказал сыну:

— Ну вот, своих навестили. А теперь я предлагаю перевести дух и перекусить.

— Что, прямо здесь? — в некотором недоумении спросил Миша.

— А что тут такого? — в свою очередь выразил недоумение отец. — На кладбищах принято и выпивать, и закусывать. Ну, выпивать я из солидарности с тобой не стану, а кофейку с мамиными пирожками мы с тобой непременно хлопнем.

— Пап, а не лучше ли было расположиться на могиле твоей бабушки? — с некоторым сомнением в голосе проговорил сын. — Там и столик аккуратный, и скамеечка, и жасмин рядом обалденный!

— Вот именно что обалденный, — с нескрываемой досадой отвечал отец. — А я, Миша, сизмальства не люблю всего, что сверх меры, чересчур и слишком. Особенно в таких местах, где... Словом, поверь, жасмин мешает течению мысли, порождает эдакий сумбур. А мы пойдём вон туда, — он указал на угол кладбища. — Там ромашки и пижма вокруг ограды. Они горчат и удивительно прочищают мозги.

— Интересно, откуда ты знаешь, что там растёт? — любопытно спросил сын. — Ведь там мы ещё не были.

— Да уж знаю, сынок, — с некоторой усталой убеждённостью проговорил Виктор Сергеевич. — Видишь ли, друг мой, на земле у каждого из нас должны быть такие заветные уголки, о которых нам всё всегда известно... На протяжении всей нашей жизни, а может, и гораздо дольше...

Михаил посмотрел на него с заметным испу-

гом... Поймав этот взгляд, Виктор Сергеевич поспешил мотивировать взволновавшую сына сентенцию:

— Это не я придумал, это наши наблюдательные писатели — Грин, например. Помнишь, на руке у одного из его героев, Гарвея, кажется, синела странная татуировка: «Я всё знаю»? Это как раз наш случай.

Шагая за ловко лавирующим между церковных оград отцом, Михаил и в самом деле невольно ловил себя на всё более укрепляющемся ощущении дежавю. Откуда оно появилось, было непонятно совершенно, но ощущение это с каждым шагом становилось всё явственней и больнее. Наконец отец остановился возле угловой могилы, обнесённой покосившейся, давно не крашенной оградой, вокруг которой и впрямь густо разрослась не поддающаяся осени пижма. А на самом надгробии понемногу увядали ромашки, отдавая ветру шершавые сгустки своей целебной горечи. С фотографии, привинченной к дешёвому оцинкованному кресту, весело взирал на мир молодой вихрастый мужчина лет двадцати пяти. Под снимком значилось: «Соломин Алексей Николаевич /1955 — 1984/». Михаил вопросительно посмотрел на отца, в то время как тот неторопливо стал доставать из сумки термос и пакет с пирожками. Протянув сыну пластмассовую кружечку с дымящимся кофе, он негромко заговорил:

— Это, Миша, мой лучший друг Лёшка Соломин, которого году в восьмидесятом я переманил сюда, в Межу, из райцентра. Его мы проезжали с тобой недавно.

— Усольск, — с нескрываемой симпатией обозначил название райцентра Михаил. — Славный городок. Мышкин напоминает. Весь такой справный, подстриженный, с речным вокзалом. Да и паром ходит часто. Мы и часа с тобой не ждали... Право, удивительно, как это твой друган решился перебраться из него в Межу, где даже под дверью магазина... Извини, папа, ведь это твоя родина!

— Ты на анекдот намекаешь? — незлобиво усмехнулся отец. — Про глистов навозных... Помню я, где у них родина!

— Это, видимо, либералы придумали, — высказал хитрую догадку сын. — В пику патриотам.

— Сегодня всё переменялось, друг мой, — не

согласился отец. — Патриоты ушли во власть и больше думают о переправе через Керченский пролив и колонизации Марса.

— А либералы? — с интересом спросил подкованного отца Михаил.

— Ну, не могу сказать про всех, но те, которых я уважаю, говорят о том, что в районах нашей области до сих пор нет природного газа, потому что весь газ мы продаём Европе и Азии, что вместо дорог в глубинке существуют одни направления, а на пенсии работников культуры можно выжить лишь сидя на одной каше. — Закончив фразу, Виктор Сергеевич протянул сыну благоухающий печёной курятиной пирожок. — Но это так, отступление. А суть в том, что Межа в начале восьмидесятых была совершенно другой. Во-первых, раз в двадцать больше! Во-вторых, в ней было сразу несколько магазинов, сельсовет, молокозавод, лесничество, пилорама, библиотека, дом культуры, дом быта, медпункт с фельдшером и медсестрой, огромный перспективный колхоз, две школы — восьмилетка и для старших классов, чайная была — для мужиков в основном... И, в-третьих, в Меже жило так много людей, правда, преимущественно пожилых уже, что всё окрест было обустроено, заполнено банями, мазанками, половнями, разными там сараями, садами и огородами, а не засеянные колхозом пространства выкашивались частниками для прокорма своих коров, коз и овец. Никогда, как сегодня, не росло здесь столько бурьяна, никакого борщевика, лопуха и прочих сорняков. В селе было три пруда и две речки, а возле нашего дома ещё и прозрачный, как слеза, ручей. Так что было на что польститься, чем жить и чему радоваться.

— Папа, а почему твой лучший друг так рано ушёл из жизни, если, как ты говоришь, жизнь в Меже была много лучше нынешней? — с некоторой подковыркой в голосе спросил Михаил.

— Она не была лучше или хуже. Просто она была, — с какой-то печалью отвечал Виктор Сергеевич. — А нынче её просто не стало, как и Лёшки Соломина, самого яркого, самого достойного из моих межевских друзей. Но лучше обо всём по порядку.

Глава первая Встреча и планы

Эта история случилась лет тридцать назад. Витька встретил Лёшку Соломина с пригородного поезда, прозванного в народе «Спутником», на аккуратном железнодорожном вокзале, мимо которого бежала двумя путями среднесибирская магистраль. По одному поезду стремились на восток — к Свердловску, Омску и Хабаровску, а по другому — на запад, к Нижнему, Москве и Ленинграду.

Витька сызмальства любил железную дорогу и паровозы, от которых в достопамятные шестидесятые годы горели травы и леса окрест. Просто из паровозных топок летели по ветру остатки плохо сгоревших углей, падали на травы и кусты, которые загорались и «заражали» своим огнём лес. Тогда Витькин дед заводил свой заветный «ИЖ-49» с толстенными никелированными трубами, сажал внука на заднее высокое седло, и в самом деле, напоминавшее более всего седло для верховой езды, и, убирая подножку носком ялового сапога, отправлялся на тушение. Особенно часто горело весной, когда ещё не поднялась над сушью прошлогодней листвы и ветоши негорючая зелёнка. Дед орудовал лопатой, а Витька велел, чтобы его огромный дедушка не мял нежных, только что вынырнувших из едва проклюнувшейся травы первых колокольчиков.

...Всё это стремглав пролетело по Витькиной памяти, когда он жал сухую Лёшкину ладонь и слушал его комплименты в адрес родной Межи, природы и погоды. А погода в конце сентября ставила один температурный рекорд за другим. Витька с неожиданной для самого себя гордостью сообщил другу, что нынче стрелка термометра поднимется до 26 градусов и можно будет сходить на пруд — ополоснуться. Обрадовавшийся таким Витькиным планам Алексей с некоторой досадой сообщил, что не захватил с собой плавок, на что Витька снисходительно заметил, что нормальные межаки купаются «без».

— Гольми, что ли? — стал уточнять Лёшка.

— А то! — утвердительно отвечал Витька. — А на кой одёжу-то мочить? Суши её потом на заборе... Ещё чего доброго корова сжует или воробы обгадят. Слушай, в этом году такой воробей наглый пошёл! Старики говорят, с юга при-

летел, из-под Саратова... Там их больше, чем в Китае! Купаться голым — это совсем иное ощущение, ничто не жмёт, не трёт, а когда выйдешь на берег, не надо всё это, мокрое и прилипшее, с себя стягивать, прыгать на одной ноге, а потом ещё выжимать и сушить...

— Как скажешь, тебе виднее, — согласился Алексей. — А что до воробьёв этих, то, будь спок, скоро полетят назад. Метеорологи вчера сообщили: холода идут. Так что и перелётные нынче раньше обычного снимутся, и воробы с воронами южнее переберутся, где корма побольше. Слушай, Витюша, а у тебя ружьишки случайно не завалилось? Уж больно хочется тетеревов на вырубках пошарить! Они там подпускают буквально вплотную.

— Ты с перепелами не путаешь, дружище? — с нотками сомнения спросил Виктор. — А ещё тут куропатки по вырубкам сигают, этикие курицы: отъелись за лето! Я на прошлой неделе одну добыл. Больше кило вытянула! А ружьишко имеется, одностволка шестнадцатого калибра. А чтобы не скучно было, я у Митрохи рыжего ещё одно возьму, бескурковку двенадцатого. Тульский вертикал. Вещь!

С этими словами Витька обнял друга за плечи и повёл его к фамильной избе пить чай с пирогами, которые сам накануне испёк специально по случаю его приезда. Пироги были с вишнёвым вареньем. Косточки из ягод Витька не доставал специально, чтобы поплеваться вдосталь. Они с Лёшкой и плевались, сидя под старой яблоней в саду. Иногда с яблони соскальзывали крупные красные плоды и даже били Лёшку «по балде», но он только жмурился от удовольствия да тёр с виноватой гримасой на лице ушибленные падалицами места. Лёшка Соломин, по глубокому Витькиному убеждению, был самым добрым и незлобивым человеком на земле.

Напившись чаю, друзья решили прогуляться к Лелейке — ручью, бегущему в низине по дну глубокой балки. Гулялось здесь всегда легко и радостно: из жёсткой, остро пахнущей осоки прыгали сразу во все стороны разноцветные кузнечики, а иногда и летели грузные зелёные саранчи, жёлтые лягушки сигналы из-под ног и гулко шлёпались в выступавшие из-под сапог лужи, над болотиной густо висела мошкара, которую ближе к вечеру излавли-

вали ломающие вечернее пространство летучие мыши. Они с удовольствием присели на край оврага и замолчали на минуту. Мир был кристально чист. Даже шмеля, дружелюбно усевшегося на руку Алексея, не было слышно. Села вскоре рядом и оса, потом две сонные мухи и припозднившаяся пчела из «сильного» улья. Лёшка бережно посадил её на палец, долго нюхал, а потом отпустил в сторону мазанки, откуда дышало мёдом.

— Ну, чем заниматься будешь? — спросил Алексей Виктор. — Чаю я, у тебя какие-то задумки имеются? Впрочем, отдохни пока, а там видно будет.

— Да нет, Витя. Я бы и не отважился к тебе в Межу без замысла, затеи какой-то. Думаю я открыть у тебя грибной завод.

— Чего? — изобразил полное удивление Виктор. — Какой завод? Их тут не было со времён барыни, то есть с семнадцатого года.

— Времена возвращаются, Вить, — возразил Алексей. — В аккурат полсотни лет минуло. Стадия! Вот я его и открою... грибной завод. Стану по дешёвке скупать у местных старух грибы, мариновать их и вывозить на рынок районного потребсоюза с этикеткой нашего межевского грибного предприятия.

— Времена-то возвращаются, может быть, но труднее с привычками, навыками, а главное — предрассудками. — В голосе Виктора уже чувствовался порождённый временем усталый скепсис. — Вот с ними куда трудней. Они вырабатывались, знаешь ли, годами и даже веками, а наши с тобой прадедушки попытались поменять их в считанные дни. Думали, что Зимний возьмут и сразу жизнь изменится в лучшую сторону. Как же, держи карман шире!

Нет, Виктор верил в серьёзность намерений своего друга, в его умения, но он много лучше успел усвоить законы своего «чёрно-белого» плоского времени, а потому боялся за романтического, чересчур восприимчивого, как ему казалось, Алексея, интуитивно предчувствуя не одно лишь непонимание, но и нечто куда более опасное, до поры уснувшее в этом, на первый взгляд, незатейливом, насквозь прокурённом местными мужиками краю.

— Да ладно тебе! — беспечно тряхнул кудрями Алексей. — Что ты, право? Чай, сталинщине уж

почитай больше двадцати лет назад кирдык пришёл! Как-нибудь прорвёмся.

— Ой ли? — с сомнительной интонацией хмыкнул Витька. — Вон он опять появляться везде стал: в кино — «Освобождение», поди, смотрел, на фотках — за стёклами автомобилей, на разных там тарелках и даже на экскурсиях. Я тут в Грузию на неделю ездил, так там нас перво-наперво в Гори повезли, на родину Иосифа Виссарионовича. Фотографировались там возле памятника всей тургруппой. Я думаю, со временем скорее Ленина забудут, а Сталин будет жить, потому что он — эпоха. А Ленин... Ленин разве что успел взять вокзалы, телеграфы, потратить немецкие марки и... практически отменить всё достигнутое введением нэпа.

— Ой, Витька, упекут тебя за такие речи! И откуда ты взял про эти марки? Это же, по-моему, белоэмигрантская пропаганда? — с некоторой надеждой в голосе спросил Алексей. — Ну, про нэп-то я много чего знаю, потому и приехал сюда. А знаешь, отчего Сталин не любил Крупскую?

— Не любил, оттого что южный человек. А она в государственные дела вечно лезла, — убеждённо сказал Витька. — У них там, во ВЦИКе, это было не принято.

— Не это главное, — возразил Алексей. — Просто он не уважал её за то, что Ленин от неё гулял с Инессой Арманд и практически не скрывал этого.

— Ну ты даёшь! — восхищённо всплеснул руками Витька. — Это называется «срезал»! У Шукшина недавно вычитал — жалко, умер до срока. Вот он, наверное, тебя с твоим заводом сделал бы героем какой-нибудь своей повести или там рассказа. Он чудиков уважал.

— Вить, да не чудик я. Просто надоело чужим умом жить. Дома учили, в школе учили, в институте — опять. Все эти секретари, парторги, профорги, комитетчики... Знаешь остроуту дня? «Партия нас учит, что газы от нагревания расширяются», — Алексей неожиданно сделал весьма серьёзное лицо. — Так вот, нынче это уже не смешно, потому что, если хочешь защитить диссертацию по тем же газам или жидкостям, то надо обязательно быть членом КПСС.

— Ну, ладно-ладно. Извини, — потрепал Витька друга за плечо. — Это я так, от обиды за Крупскую.

— А грибной завод, думаю, подождёт до завтра. Сейчас же давай тяпнем под грибы за встречу и успех твоего дела, — Витька хотел сказать «безнадёжного», но предусмотрительно не сказал, а стал доставать из шкафчика бутылку марочного белого портвейна — мадеры, которую предпочитал всему прочему даже «враг всяких условностей» Гришка Распутин. — Я водку не пью, — сказал Витька. — Люблю вкусное, выдержанное, с небольшим содержанием сахара. Знаешь, сахаром пичкают дешёвые вина, чтобы заглушить плохое качество. Бодряжат, в общем. А фальшивую колбасу, разумеется, забивают перцем.

— А мясо тогда чем? — хитро усмехнулся Алексей, втягивая носом аромат напитка и от удовольствия опуская веки.

— А ты зря смеёшься! — не поддержал тон друга Виктор. — Куриц, например, точно знаю, накачивают специальным раствором, чтобы, значит, жарились быстрее, а заодно таким вот образом и вес их наращивают жулики!

— Верю, Витюша, верю, — попытался вернуть беседу в спокойное русло Алексей. — Ты у нас с детства научился вкусно готовить, знаешь толк в продуктах, пчёл вон сам обихаживаешь. Мне до тебя — как пешком до Шанхая. Вот если с грибоварней получится, станем равными. Ты по-прежнему учительствуешь?

— Преподаю, — несколько устало вздохнул Витька. — А в Меже дети послушные, добрые. Не то что в городе.

— А что тогда так тяжело вздыхаешь? — с участием спросил Алексей. — Может, ко мне в компаньоны, а?

— Я тебе и так помогу, на общественных началах, — шутливо отмахнулся от предложения Витька. — Не могу я деток бросить, да ещё в самом начале учебного года. Здесь, понимаешь, деревня, все друг у друга на виду. Меня просто не поймут. Словом, и хочется, и колется. А там дальше поглядим.

— Понимаю, — согласно кивнул другу Алексей. — Да и если честно, то ещё неизвестно, что из моей затеи получится. Пришьют мне какой-нибудь буржуазный уклон, запишут в кулаки, начнут в газетёнках песочить...

— Я тебе не сказал, Лёш, но и сам перво-наперво об этом же подумал, — признался Витька. — Начальство здесь без особых извилин, придер-

живается мнения, что любая инициатива наказуема. А народ... Ну, люди здесь неплохие, но ко всему новому относятся подозрительно, с опаской. Тут ведь мужиков пересадили до и после войны больше, чем нынче живёт. До сих пор старухи как увидят фургон, так и давай креститься: «Чёрный ворон, чёрный ворон, чур меня!» Одно обнадеживает: если ты будешь скупать грибы у местных, то им от этого прибыток — живые деньги. Нет, простые люди в конечном итоге, думаю, поймут и одобряют, а вот власти... особенно партийные, хрен их знает. Хотя грибов здесь!.. — Виктор даже глаза выпучил от переизбытка чувств. — Начинаются уже в апреле — сморчки и весенние опята. Потом сыроежки появляются, потом, в июне, колосовики — это уже белые с подберёзовиками. Потом маслята в посадке вылезают, тут неподалёку, я покажу. А уж с середины июля — грибная пора в своём полном разгаре. И до белых мух, то есть снега. Я в прошлом году, веришь ли, белых прямо из-под снега налупил, они уже поморозиться успели. Ну, я их не размораживал, конечно, чтобы не расплылись, а прямо из замороженных и супу наварил, и нажарил.

— Ну и отлично! — улыбнулся Алексей своей приятной, доверчивой улыбкой. — Бог не выдаст — свинья не съест.

В это время на заднем дворе у Витьки завизжал поросёнок, и хозяин озабоченно завозился:

— Слушай, пошли поросё со мной покормишь. Это, скажу тебе, наиувлекательнейшее занятие. Знаешь, только поросёнычье сердце теоретически можно пересаживать человеку. — И, отставив стаканы, друзья стали надевать Витькины рабочие халаты, чтобы не испачкать свои выходные рубахи и брюки.

Глава вторая Первые хлопоты

Как бы ни была хороша мадера, в головах у Кобоих поутру изрядно шумело, ибо на радость от долгожданной встречи не удержались, и за первой бутылкой последовала вторая, а потом и третья. Помучавшись с полчаса, Витька, в конце концов, выругавшись по-русски, достал жбан медуухи, свиную ногу, прокопченную над банной печкой, и кадку мочёных яблок.

— Давай сразу по-сталинскому хлобыстнем, — предложил он с убеждённой сельской фельдшера и поставил на стол гранёные с каймой стаканы.

Хлобыстнули — мигрень немного отступила. Тут к ним из-под крыльца юркнула небольшая собачонка и стала преданно тереться о хозяйские ноги, оставляя на Витькиных брюках клочья рыжей свалявшейся шерсти.

— Линяет, однако, — проговорил участливо боготворивший всё живое Алексей. — Только вот отчего такую маленькую завёл? Живёшь-то, однако, на отшибе. Тебе бы тут овчара величиною с телёнка. Хрен кто сунется.

— Да и так никто не сунется! — убеждённо отмахнулся Витька. — Крупная собака — большая ответственность. На цепи я держать не могу — не так воспитан. А вдруг загрызёт кого — например, ребёнка. Тут тюрьмой, брат, пахнет. И еды ей надо не меньше, чем телёнку. И всё больше мяса. А Тузик мой своё дело не туго знает: всегда просигналит, если кто поблизости шастает. А мне больше и не надо. Кто оповещён — тот вооружён. И ест он абсолютно всё, что остаётся от стола: хлеб, кашу, остатки супа. Когда по саду с ним бродим, он даже вишню из моих рук сметает. Ей-богу! — На Витькином лице светилась явная гордость за свою скромную собачонку.

— Ну, тебе виднее, — не стал спорить Алексей. — Просто у нас в Усольске в частном секторе тоже что ни дом — то конура с овчаркой или каким-нибудь волкодавом. Не собаки, а, право, монстры!

— Город есть город, — проговорил задумчиво Витька. — Там разного народу хватает. Может, потому и на собак совсем другая мода. Хотя и у нас в Меже иные держат овчаров. Громов вон, учитель труда, какую-то мастину или мастина, что ли, завёл. Не собака, а суцья тигра! Говорит, заплатил за неё, как за мотоцикл. А мне вот такая и даром не нужна. У меня всё тихо-мирно, вся скотина друг дружку уважает... А такая зверюга сразу всю, блин, гармонию нарушит! — Алексей шёл по желтеющему лугу и согласно кивал, изредка почёсывая у благодарного Тузика за ушами.

— Ну что, Лёш, давай место для твоего завода подбирать, — весело предложил Витька. — А уж потом в сельсовет ходим, для проформы заявку напишем. А то мало ли что! Знаешь, хоть это по-

ле никогда и не пахали, поскольку здесь когда-то дома стояли, но построй ты на этой земле что-нибудь, сразу же начнут качать права, что она-де принадлежит государству или колхозу, или какому-нибудь несуществующему товариществу. Я это, Лёша, уже проходил. А о причине я тебе уже говорил: боязнь всего нового, непривычного, непонятного. Вот что такое пьянство и лень, у нас прекрасно понимают, а частный заводик — это нечто из области фантастики или, что ещё хуже, — из проклятого прошлого.

— Вот это место мне нравится, — сказал Алексей, притормозив возле одинокой берёзы. — Тут и выравнять грунт практически не надо. Луг ровный, как стол! Вкопаем небольшой фундамент, и пошло-поехало. Я на первых порах даже пола настилать не стану. Делаем каркас из бруса, обшиваем его доской. Пару окошек сделаю, слева котёл для варки, справа — для маринования. Ну и полки вдоль стен для разной мелочи, для тех же банок, крышек, специй, соли, сахара, уксуса.

— Ну что? Деньги-то уже снял? — хитро глянул на друга Витька.

— А то стал бы я тут воздух сотрясать. — с шутивым упрёком проговорил Алексей. — Что-то — наличными, что-то — переводами.

— Видишь, с наличными можно в неприятности вляпаться, — размышлял вслух Витька. — Старайся уговорить на безнал, чтоб всё по-честному, через государственные трубы. А то стукнет кто-нибудь в милицию, прокуратуру или ещё куда. Здесь, понимаешь, большие суммы созерцать не привыкли... Зависть, одним словом, а она хуже воровства. С другой стороны, пилорама колхозная, то есть в кооперативной собственности. Вот они, вполне возможно, потребуют наличными. Ну, пошли, там увидим.

И друзья, набравшись решимости, зашагали в Межу, забыв и про Витькин мотоцикл, и о настырном Тузике, который, привязавшись однажды, теперь не отставал от них ни на шаг.

Сельсовет находился гораздо ближе колхоза, а потому зашли сначала туда. Секретарь председателя Павла Дмитриевича Камынина Надежда Петровна, дружески кивнув Виктору (у него учились сразу обе её дочери), спросила Алексея паспорт и записала себе его данные: Соломин Алексей Николаевич, двадцать восемь лет, хо-

лост, военнообязанный, ранее не судим, постоянное место проживания — город Усольск. Ей всего они говорить на всякий случай не стали: до срока Витька очень опасался утечки. Сказали только, что Алексей приехал к Виктору, с тем чтобы некоторое время пожить и поработать в сельской местности. Понадобился секретарше и Алексеев военный билет, и его диплом о высшем образовании (Алексей окончил политехнический), который Надежда Петровна не преминула раскрыть, а увидев во вкладыше сплошные пятёрки, с заметным удивлением улыбнулась: что это вы-де с такими показателями — и в нашу глушь? «Так, — заметил про себя Витька, — первые непонятки уже начались. Все здешние, даже алкаши последние, только и думают о том, как бы отсюда в город ноги сделать, а этот на кой-то ляд приехал пожить в постепенно умирающее село... А узнай она ещё и про заводик, то наверняка заподозрит нас и в какой-нибудь антисоветской провокации». Но эти Витькины мысли прервала вдруг открывшаяся из кабинета дверь, и в приёмную шагнул высокий грузный мужчина примерно лет пятидесяти с хвостиком.

— Вы ко мне, товарищи? — официальным тоном спросил он.

Алексей с Виктором согласно кивнули и привстали со своих старомодных стульев. А мужчина кивком пригласил их к себе. В кабинете было много цветов — в основном герани и алоэ, мебель старорежимная, видимо, ещё с довоенной поры. В то же время сам председатель сидел в весьма шикарном кресле из натуральной кожи, и стол его был не меньше теннисного. На нём без труда умещались три старомодных телефонных аппарата из чёрного эбонита, несколько настольных полок с какими-то папками и бумагами, толстенный журнал для записей, настольный календарь, Конституция СССР и несколько кодексов. На какое-то время Витька даже почувствовал себя в некоем министерстве, где решались наиважнейшие для государства вопросы.

— Итак, чем могу? — спросил хорошо поставленным голосом Камынин.

— Давайте я начну на правах вашего земляка, — предложил председателю Витька. — Вот Алексей Николаевич Соломин приехал к нам в Межу из райцентра с очень, мне думается, интересным предложением. Прежде чем приехать, он очень

долго изучал вопрос, даже Ленина пришлось перечитать — его работу «О кооперации» и другие... Ну и законодательство, разумеется, вы зубрить. — Витька с уважением кивнул в сторону председательских кодексов. По лицу Камынина прошла тень довольной улыбки. — Давай, Алексей, говори дальше сам, а то я могу что-нибудь не то или не так сказать...

— Павел Дмитриевич, я несколько лет ездю к вам в Межу. Всегда поражаюсь обилию и разнообразию здешних даров леса, особенно грибов, изрядную часть которых здешние жители вынуждены оставлять гнить в лесу, потому что им столько не надо. То есть не съесть, грубо говоря. Поэтому у меня появилась идея небольшого грибного завода, который я на свои, заметьте, средства готов построить в поле, неподалёку вот от дома моего друга, в аккурат возле дороги в лес. Это очень удобно. Грибники, идя из леса, смогут часть набранных ими грибов сдавать мне для консервации, получая за это неплохие деньги и тем самым заметно пополняя свой семейный бюджет. Я разделил грибы на несколько категорий, каждая из которых имеет свою цену: ну, белые там, маслята, подберёзовики-подосиновики, лисички-опята, грузди-сыроежки, валуи. Я хорошо знаю грибы, собираю их с детства, а кроме того, приобрёл несколько грибных справочников. Так что никого не отравлю, это не в моих интересах. Да и вообще, как утверждает самый большой знаток грибного мира Солоухин, по-настоящему опасны для человека всего два гриба: сатанинский и бледная поганка, остальные после интенсивной варки теряют свою токсичность. Таким образом, деньги за собранные грибы станут получать те, кто их собрал, я — за банки, специи и саму работу, конечно, но на первых порах меня устроит и весьма символическая зарплата. И если дело пойдёт в гору, я со временем готов производить и кое-какие отчисления в межевской бюджет — например, на ремонт проводки, на чистку колодцев, на содержание сельмага и ларька, и так далее. И потом я напечатаю в районной типографии этикетки с указанием места производства — село Межа. Согласитесь, это может стать и предметом нашей престижности.

Кажется, Камынина этот монолог Алексея, как бы выразились фантасты Стругацкие, «поразил в самую пятку». Некоторое время он подав-

ленно молчал, очевидно не зная, что сказать, не в силах переварить только что произнесённого.

Сначала молодые люди терпеливо ждали, но, словно подталкивая председателя к принятию позитивного решения, Алексей вкрадчиво проговорил в кабинетное пространство:

— Кстати, Павел Дмитриевич, на последнем пленуме ЦК Леонид Ильич сказал следующую знаменательную фразу: «У советского человека должно быть на столе всё!» Вот я и стараюсь для тех же горожан, чтобы у них на столе были наши межевские самые вкусные в мире грибы!

Сразу после этого Камынин явно принял определённое решение, хотя внешне попытался казаться бесстрастным. Он откинулся в кресле и приглушённым, несколько подрагивающим голосом проговорил:

— Видите ли, предложение очень интересное, хоть и несколько неожиданное. До вас, — он кивнул в сторону Алексея, — ко мне с чем-то подобным ещё никто не обращался, поэтому я должен подумать и посоветоваться с районным начальством. Не думаю, что они будут принципиально против, потому что сегодня не сталинское время и, как вы верно заметили, партия призывает развивать инициативу на местах, в том числе экономическую, производственную. Объёмы здесь небольшие, особого обогащения не предвидится. А поэтому почему бы и нет? Вы ведь не винокурный завод хотите построить (у нас на спиртное государственная монополия!), а грибной, то есть продуктовый. Само собой, потребуются согласования с санэпидстанцией, с райисполкомом, с торговым отделом... А вообще, надо поговорить с председателем колхоза Клюевым Андрей Платонычем. Может, удобней будет завязать вас на наш «Рассвет», у него больше прав по этой части как у кооператива.

— Мне, в общем-то, всё равно, — отвечал Алексей. — Главное, чтобы первое время не драли с меня три шкуры, а дали встать на ноги. Видите ли, если бы я сам этих грибов набирал столько, сколько мне надо... А так мне придётся платить за них сельчанам, платить из своего кармана, а больших накоплений у меня, увы, нет. Вся надежда на реализацию готовой продукции, а это ещё тоже большой вопрос. Допустим, грибы неплохо бы разошлись в областном центре, но туда, во-первых, их надо доставить, а во-вторых,

договариваться с магазинами и, следовательно, тоже платить. Словом, я хочу, чтоб первое время про меня просто забыли. Конечно, живи я где-нибудь на Западе, я непременно прибегнул бы к рекламе, но у нас это не принято.

При последних словах Алексея Камынин недовольно поморщился. И Алексей с Виктором окончательно поняли, что лучше председателя сельского совета не раздражать разного рода вольностями и ссылками хоть на Запад, хоть на Восток. Надо избрать с ним традиционно советскую манеру общения: самим говорить поменьше, а его слушать повнимательней. Словом, научиться играть с ним, изображать из себя понятливых «совков», которые просто хотят немного заработать ради покупки «Запорожца» или «Москвича», себе на свадьбу или на мебель, на туристическую поездку в Крым или Сочи, куда-нибудь на Алтай или хотя бы в Карелию. «Может быть, — думали параллельно, независимо друг от друга оба, — он и на лапу согласился бы взять. Но подобный риск опасен полным крахом, поскольку Камынин всё-таки хоть наверняка и жаден, но в ещё большей степени осторожен и даже труслив. Он получает, по межевским меркам, вполне приличную зарплату, располагает властью над несколькими сотнями душ, всё равно как среднепоместный дворянин, имеет возможность регулярно бывать в районе и даже области, которая время от времени собирает для проформы мелких совслужащих, которые, как всегда, не до конца поняли установок партии. На прощание Камынин крепко пожал обоим визитёрам руки и выразился в том смысле, что лично он, конечно, заинтересован в появлении на своей территории нового, хоть и небольшого, но вполне производственного образования:

— В принципе, — признался он, — мне за это только плюс будет. Скажут, что вот-де Камынин частную инициативу поддержал. Поэтому я «за», только вы не подведите, нигде особо не светитесь, надо втихаря всё это дело пробить, а там уж и деваться будет некуда. Я ведь всех в районе знаю, могу и спрогнозировать результат. Лет пять-десять назад у вас бы, прошу прощения, ни хрена не вышло, но сегодня времена изменились, люди хотят жить лучше. И это наверху не находит никаких возражений. Алексей Николаевич, а вы часом не в курсе, что там у первого

Усольского райкома с дочкой случилось? Говорят, не замужем, но беременна?

— Я немного знаю Милу, — отвечал Алексей. — Вместе в институте учились. Видел её пару недель назад, но хоть каких-то признаков беременности, убедите меня, не заметил. Всё такая же весёлая, остроумная, как в студенческие годы. Знаете, отец у неё, Семён Борисыч Бухвальд, мужик, конечно, властный, жёсткий, и его весьма многие побаиваются, но по ней этого не скажешь, что в наше время встречается нечасто.

— Ну-ну, — скупотреагировал на услышанное Камынин и как-то недобро улыбнулся при этом.

Оказавшись на воле, оба советских капиталиста стали иронизировать по поводу только что миновавшей их ситуации — ни тот, ни другой не любили сплетничать и зубоскалить и в принципе не понимали, почему это так нравится другим:

— Удивительное дело! — воскликнул Витька. — В сущности, этот Камынин ничем не рискует. Рискуешь ты своими деньгами, которые собирал с бору по сосенке. Но ему до этого, по всей видимости, гораздо меньше касательства, чем до чьей-то возможной беременности в Усольске. Нет бы заинтересоваться новым производством, полюбопытствовать на предмет будущих отчислений: в бюджете-то у него, поди, одни дыры. А тут ни особого патриотизма, ни материальной заинтересованности. Одна старательно скрываемая боязнь: как бы чего не вышло?! Ведь не посадят же, не расстреляют, как при Сталине. Ну, вызовут на бюро райкома, и то лишь в крайнем случае. Ведь он совслужащий. Слушай, ты не знаешь, отчего все они так интересуются разными нюансами и скандальными мелочами, которые нет-нет да и имеют место быть в стане наших партийных и советских руководителей? Ну, ведь не знать гораздо проще: тогда спи себе спокойно. А эти всё нюхают, рыскают, а когда донюхиваются, то положительно не знают, что делать с этой информацией, этими «неудобными» для них знаниями. И на кой ляд ему эта беременность Милы Бухвальд, которую он, скорее всего, никогда и не видел?! Ну, сделает она аборт или родит... Что, по этой причине её отца попрут из партии? Тем более его старшие дочери, по-моему, замужем в области за какими-то большими шишками!

— Дураки они, и больше ничего, — убеждённо заметил Алексей. — Нам их не понять ни-

когда. У них и язык свой, птичий, а главное, боги у них иные, чем у нас, иные пристрастия, да и привычки тоже. Ты ему — про выставку Рерихов в Русском музее, а он тебе — про то, что в райкоме партии продуктовые наборы выдают. Ты ему — что мост через речку снесло и в Межу ни хрена не пройти, а он в ответ — бородастый анекдот про то, как Хрущёв лысой башкой, которую Господь принял за задницу, в рай лез. А ведь сам когда-то эту задницу и лизал. Словом, два мира — два стиля.

Глава третья Строительство грибного завода

В колхозе и райисполкоме всё, слава богу, прошло гладко: Алексей с Виктором, заручившись поддержкой самих председателей, спешно принялись за строительство. Первым делом они выписали в лесничестве пиломатериал, тем не менее решив приватно: кое-что к этому они тайно достанут «по своим каналам» за бутылку-другую «Московской». Иначе денег бы никак не хватило! Поэтому с десяток раз они по вечерам ходили в подлесок, принося оттуда прямо на плечах длинные тяжёлые слегги, годные как для перемычек в строении, так и для забора вокруг. Потом стали приходиться доски и брус. Их из экономии они решили доставлять на тачке, не тратясь на машину. А вскоре, войдя в их проблемы, сельпо выделило им лошадь с телегой — дело пошло куда быстрее. Коня звали Буяном. Он был очень смиренным, воспитанным и даже нежным мерином, потому что в ответ на угощение чёрным хлебом всегда лизал шершавым языком руки своим благодетелям и смотрел на них добрыми глазами.

Когда на лугу образовались большущие штабеля пиломатериалов, Алексей, вспомнив о своём политехническом образовании, приступил к проектированию и разметке. Тут пришлось браться за лопаты и прокапывать прямоугольную траншею, в которую потом заливали фундамент, и лишь на нём крепили лаги, обструганные, плоские брёвна, на которых предстояло обосноваться всей конструкции. Тут уж понадобилась бездна гвоздей и штырей для крепежа. Иные Алексей вкручивал в дерево, прилагая к этому неимовер-

ные усилия, а иные просто вгонял обухом тяжёлого топора. Это было куда легче, хотя, видимо, и не так надёжно. Но Алексей рассуждал так: «Заводик — помещение временное. Если дело пойдёт в гору, то вскоре появится более серьёзное, крупное и основательное помещение, а если всё прогорит, то тем более не стоит особо заботиться об основательности строений».

Каркас получился крепкий, как скелет неандертальца. К нему стали прибывать сосновые доски, обструганные накануне на пилораме, где помимо пилы имелся и электрический рубанок. Проверив надёжность стропил, Алексей решил крыть крышу рубероидом: дёшево и сердито. Дверь им подарил сельский плотник дядя Гриша Ёкарный, которого, впрочем, пришлось потчевать медовухой. Но дверь была что надо, местами даже окованная металлом, с надёжным французским замком и тремя связками ключей: от внутреннего, от задвижки и от большого, висячего. Навесив дверь, Алексей удовлетворённо двинул по ней сапогом и, дождавшись хорошего, плотного звука, свидетельствующего о надёжности, поехал в сельпо за привезёнными накануне из района котлами. Их устанавливали уже на кирпичи, поскольку дерево могло и не выдерживать температурных колебаний.

Запахло жидким цементом, мокрым песком и ржавым металлом, которым Алексей укреплял конструкцию. Печку он выкладывал сам, отделав её снаружи раздобытым по случаю голубым кафелем. В общем, всё было весьма надёжно и вполне красиво. Изнутри на стены помещения Витька приклеил и прибил несколько популярных плакатов с изображением грибных блюд и консервов — всё заиграло в нужном Алексею цвете.

Пришедший посмотреть на созданный производственный цех председатель Камынин с секретаршей только крикнули от переизбытка впечатлений. Причём Камынин попросил Алексея, чтобы тот не забыл принести ему пару баночек грибов на дегустацию. Тот пообещал, причем самые первые, но сначала сам испробует, чтобы надёжнее было. Всё ж таки грибы есть грибы!

Осталось побывать в лесничестве, выписать дров и заготовить бересты для розжига. Последняя выручала в дождливую погоду, когда дрова нередко были изморосными, а воздух — плотным

и влажным. В отличие от бумаги, береста горела раз в десять дольше и жарче. Ну, не керосином же вонять в пищевом заведении!

За работой и не заметили, как пришли холода. На это Алексей обречённо махнул рукой, заявив, что настоящая работа начнётся со следующей весны, а пока можно для пробы сделать несколько варок из поздних белых и рядовок, которые появлялись только в октябре. Так и сделали, подкараулив на лесной дороге нескольких межевских старух. Те охотно отдали им за наличные содержимое своих корзин и, довольные, пошли в сельмаг за водкой и хлебом, по дороге повторяя: «Вот благодетелей Господь послал! Дай им бог здоровья и вспоможения в ремесле!» Надо заметить, что водки бабушки, конечно же, не пили, но она была на Меже единственной устойчивой валлотой, которой расплачивались и за копку огородов, и за дрова, и за дела сенокосные, и за ремонт своих изб, бань, сараев и заборов. Гнали, конечно же, и самогон, но после того, как им до смерти отравился электрик Пашка Бурковников, к нему стали относиться с предубеждением. Водка и даже казённая «бормотуха» были всё же надежнее.

Грибы замариновали в шести литровых банках, на которые наклеили пока что самодельные этикетки. С двумя такими банками Алексей проворно сбегал в сельсовет и, довольный, вернулся оттуда с камынинской запиской в типографию. Всё понемногу начинало разруливаться. И — надо же! — к концу октября в Межу неожиданно вернулось устойчивое тепло, вновь пошли грибы, чистые, совсем не тронутые червём. Алексей мариновал их каждый день, а приходивший из школы Витька, наскоро перекусив, тут же присоединялся к его грибным хлопотам. Получив из района сотни две этикеток, они приклеили их к банкам каким-то первым, попавшимся под руку клеем и повезли товар для начала на районный рынок, уже располагая к этому времени полудюжиной разных разрешений, в том числе и от местной милиции. Нельзя сказать, чтобы торговля их шла бойко, но грибы брали, потому что они были внешне куда аппетитней, а главное — дешевле магазинных.

— Ничего, это только начало! — ярился Алексей. — Ещё не привыкли, блин. Вот распробуют — и всё пойдёт куда шустрее!

Витьке оставалось лишь соглашаться да менять

рубли и трёшки на сдачу. Однажды его за этим занятием застали родители одной межевской отличницы, и по селу поползли неприятные слухи: как же, уважаемый учитель русского языка и литературы вдруг торгует на базаре какими-то подпольными грибами в кругу разного рода жулья! Витьке даже пришлось сделать в своих классах небольшие информационные сообщения о том, что в Меже, неподалёку от его дома, известный на всю область учёный и знаток грибов Алексей Николаевич Соломин построил небольшой грибной завод для проведения ряда экспериментов. И он, их учитель, ему в этом помогает, потому что тоже очень любит грибы и заинтересован в том, чтобы наши люди лучше и грамотнее питались. Ведь грибами можно насмерть отравиться, особенно из закрученных банок, в которых нередко образуется бутулин. А тут всё по науке! Но, как Витьке показалось, это мало чем укрепило его вдруг пошатнувшийся авторитет.

Однажды на двор, где Виктор доил свою кормиллицу Дочку, через лаз под дверью буквально влетел полосатый хорёк, который, до смерти перепугав уже рассеявшихся по насесту кур и едко навоняв при этом, так же проворно выскочил наружу. Это привело Витьку к мысли, что пора бы сводить Алексея на охоту — посторожить на вырубках тетеревов и куропаток — да что греха таить! — может, и лося на мясо завалят. Холодильников целых два, погреб тоже в порядке — небось, не испортится. Часть можно сразу закоптить, наделать солонины, наварить шей целый бак, добавив к постной лосятине свиного шпика, налепить котлет и пельменей. «Шкуру Васяге сдам. Рублей двадцать он мне за неё отвалит, а это нам с Лёшкой хлеба — на весь месяц, и макарон притом», — соображал Витька. И, взбодренный пришедшей вдруг мыслью, позвякивая подойником, он побрёл на кухню, где Алексей уже успел разложить по тарелкам жареную картошку, солёные огурцы, квашеную капусту и грибы. Вечерять решено было на сей раз без мясного, но с медовухой, яблоками и чаем под вишнёвое варенье. Для полного довольства Витька достал из шкафа картонный ящик с печеньем и пачку вафель «Привет». Алексей уже разливал по стаканам не шибко крепкий, но чрезвычайно забористый напиток, который уже вполне выстоялся и имел слегка золотистый, приятный для глаза цвет.

— Ну что, Лёш, заводик построили. Пора и на охоту изладиться, а? — в голосе Витьки пробивались подстрекательские нотки.

— Да я хоть сейчас! — с полной готовностью отвечал Алексей. — Нам, блин, межакам, собраться — только подпоясаться.

— Ну вот и славно, — согласился, улыбаясь шире ушей, Витька. — Сейчас на дворе уже тёмно, а завтра поутру я тебя подниму. По измороси и двинем. На боровую, а может, и заяц, а то и лось подвернутся. Да и кабаны здесь попадаются. Так что я разных патронов набил: и с «пятеркой», и с «тройкой», и с картечью, и даже с пулей есть. На всякий случай. Лося, а тем паче толстомясого кабана, картечь может и не взять. А пули у меня фабричные — жакан. И порошу я в патроны больше положил. Так что отдача будет дай бог! Имей в виду.

Алексей на это лишь понятиливо кивнул и стал проверять ружьё и отсыпанные ему в подсумок патроны. На каждом из них, прямо на внешнем картонном пыже, Виктор обозначил что в патроне за заряд: дробь — «тройка» или «пятерка», картечь или пуля. Картечи он положил тоже разной, в том числе и мелкой — «нулёвки». Лису и барсук она валила запросто, а вот на кабана и лося надо было готовить что-то покрупнее. Он и приготовил, сам отваял на доске свинцовые шарики, сам вложил их в латунные патроны. Витька, как более опытный, оставил себе одностволку шестнадцатого калибра, вставил в казённый «дробь» и, довольный, водрузил свою двустволку на плечо, полагая, что уж если он попадёт, например, в летящего зигзагами вальдшнепа — он и так попадёт, а если мазанёт, то тут не помогут ни калибр, ни количество стволов.

Наутро двинулись на охоту. Удивительно, но, не отойдя и сотни метров от дома, они буквально наступили на огромную перепёлку, которая поднялась с невероятным шумом и тут же канула в гущу спутанных трав. Дальше было ещё чуднее. Возле опушки им попалась рыжая с белой мушкой на шее лиса, которая, видимо, караулила лесных мышей (они были чёрными и заметно мельче рыжих полёвок). Мужики настолько обалдели от всего её вида, что у Витьки даже поехал ствол: очевидно, он непроизвольно нажал на рычажок зарядки. В общем, обмишурились и совсем поникли. И вот тогда на небольшой вырубке в осин-

нике они невольно подняли выводок тетеревов. Витька опять зевнул, но Алексей, словно всю жизнь охотился, успел дважды нажать на курок — и почти к их ногам свалился небольшой тетерев-первогодок. На кило — не больше. Алексей через полчаса застрелил ещё и куропатку на лугу — одной дробинкой, но в аккурат в сердце. Потом они ещё встретили барсука, и давешняя лиса кивала им с опушки. Но больше не стреляли, полагая, что уже добыли себе мяса хотя бы на ужин.

Витька ошипал тетерева в старую наволочку, в которой копил птичье перо для разных хозяйственных нужд. Поскольку птица ещё не успела нагулять жиру и была откровенно жестковатой, он решил её затушить в домашней сметане с чесноком и морковкой. А вот куропатка была хороша! Съели птиц на ужин с картофельным фри, которое прекрасно умел готовить Лёшка: он нарезал картофель соломкой, вываливал его в муке с небольшим количеством соли и паприки, и жарил, часто переворачивая, на топлёном масле. Картофель буквально таял во рту, и совершенно не было от него ни тяжести, ни изжоги.

На улицу вышли, когда уже сильно стемнело. Сели на скамеечку спиной к саду, лицом к звёздному небу. Некоторое время зачарованно молчали, потому что краса над головой была необыкновенная!

— Слушай, как там у Канта, Вить? — подперев ладонью подбородок, стал вспоминать Алексей.

— Кант писал, — уверенно заговорил Витька, — что нет в мире ничего. Только звёздное небо над головой да нравственный закон внутри нас. И знаешь, Маяковский его почти точь-в-точь повторил:

*Ты посмотри, какая в небе тишь,
Ночь обложила небо звёздной данью —
В такие вот часы встаёшь и говоришь
Векам, истории и мирозданию.*

— Надо же, как не похоже на «железного» Маяковского, — искренне удивился Алексей. — Нам почему-то в школе этих стихов не читали... Потом я поступил на инженерный, где всё больше не тайны мироздания, а сила трения да бином Ньютона. Впрочем, что такое, в сущности, тайны мироздания? Тот же Эйнштейн с его теорией относительности, когда речь идёт о системах, ко-

торые движутся со скоростями, близкими к скорости света. Там даже время идёт иначе. Верно?

— Ну, конечно же, конечно! — согласно потрепал друга по плечу Виктор. — И напрасно, ой как напрасно в технических вузах не преподают гуманитарных наук. По зрелому размышлению, между теорией стиха, например, и геометрией гораздо больше общего, чем каких-то там различий. Правильный классический стих ведь выстроен буквально в соответствии с точными законами математики. Да и Маяковский, как ты знаешь, оказался не таким уж «железным». Он, например, отбоярился от службы в армии, притворившись чертёжником. А не хотел служить, потому что не хотел стрелять в живых людей. Это Феликс Эдмундович — железный, потому что...

— Слушай, Вить, — дёрнул Алексей за рукав друга, — а может, я зря тебя в это дело вмешиваю. Ты ведь в советской школе преподаёшь, а тут какие-то грибы в банках, базар-вокзал.

— Слушай, а это мысль! — прервал Лёшкины сомнения Витька. — Нам с тобой надо на вокзале попробовать. В райцентре. Там тётки бездну разной закуси проезжающим продают, ягоды тоже, грибы. Но у них-то грибы не обработанные, скоропортящиеся, а между тем многие едут в Сибирь и даже на Дальний Восток, куда едва ли не неделя пути. На хрен им сырые грибы, которые просто сгниют через день-другой?! А мы им долгоиграющих маринованных под картошечку предложим...

— Действуем! — с готовностью согласился Алексей.

И они вновь стали смотреть в «звёздное небо над головой» и мечтать о грядущих успехах.

Глава четвёртая Первые серьезные проблемы

Они начались, как ни странно, с того момента, когда предприятие Алексея стало приносить ощутимый доход. И даже Витька подумывал стать его компаньоном, тем более что в одиночку Алексей уже не справлялся, ибо объёмы его кустарного производства постепенно росли. Надо сказать, что зиму друзья пережили вполне спокойно. Алексей несколько раз уезжал в город на подработку, где начальником товарной станции

был его брат, директором универмага — его друг, а второй секретарь горкома — его очень хороший приятель, однокашник по институту. Словом, работающего, компанейского Лёшку без проблем устраивали на какое-нибудь хлебное место, и он за пару месяцев скапливал небольшой капитал, который потом и тратил на жизнь в Меже и кое-какие приобретения для своего заводика.

Когда наступила весна и Витькин дом со всех сторон залили паводковые воды, Алексей достал в райцентре надувную двухместную лодку, на которой они переправлялись в Межу, чтобы купить в сельмаге хлеба, консервов, отрубей корове и другие необходимые домашним обитателям продукты и вещи. Однажды лодка их всё-таки перевернулась, и друзья едва не утопили в ледяной воде бешено разлившейся сельской речонки. Спасло, что оба неплохо плавали и не стали паниковать. Сначала выбрались сами, а потом ниже по течению изловили длинной слегой и унесённую течением лодку. Об этом случае в селе долго толковали обыватели и — увы! — далеко не все выражали им своё сочувствие. Однажды пришедший к ним на стакашек-другой Питилка рассказал, что в сельмаге местная знахарка Онисья, к которой ходили снимать порчу и за разными там травами, настоями, злословила в их адрес перед десятком межевских женщин, утверждая, что их в Межу нечистая принесла, что рано или поздно они накличут на межаков беду и что в сельсовет сверху уже пришла важная бумага, в которой органами прописано, что-де в области давно ищут опасного мошенника, который обирает в Поволжье простых, доверчивых «гражданов». Втирается к ним в доверие и обирает, а потом — наутёк, только его и видели. И вот-де этот мошенник как две капли воды похож на пришлого грибовара. Оба, выслушав этот неприятный рассказ, невольно поёжились, надеясь лишь на то, что Питилка, по своему обыкновению, сильно преувеличил. Но в том, что похожий разговор в принципе мог состояться в магазине, они не сомневались, потому что и из других источников к ним кое-что похожее уже начинало просачиваться.

Ещё в начале зимы Витька забил на мясо поросёнка (приглашал резаков) и сдал в потребсоюз телка, выручив при этом довольно крупную сумму денег. Ближе к весне Дочка принесла ему справную пятнистую тёлочку, которую он заб-

рал с холодного двора на тёплую кухню, где она, привязанная к русской печке, училась ходить, отчаянно скользя по дощатому полу. Тут же она и отправляла свои естественные потребности, но ни Витька, ни Алексей, слава богу, не были от природы брезгливыми мужиками. Лёшка без проблем и подтирал за ней, и мыл запачканный кухонный пол, а Витька поил тёлочку коровьим молозивом (молоком, которое корова даёт вскоре после отёла, люди его первое время не пьют), вставляя ей в мокрые ноздри, чтобы она не захлебнулась, свои испачканные чернилами учительские пальцы. Куры по зиме далеко не уходили, боясь лис и ястребов, которые на белом снегу могли легко разглядеть даже мышку. Не раз ходили на охоту, добыв нескольких тетеревов и енота. Из шкуры последнего местный скорняк Андрей Курзанов сшил Алексею шикарную ушанку, а сваренное мясо енота с удовольствием склевали куры, которые ели в этом белковом мире абсолютно всё.

Что касается неприятностей, то они стали происходить как бы невзначай в начале мая, когда Алексею впервые удалось выручить за свои грибы первую серьёзную сумму. Витька потом ещё несколько дней журил его за словоохотливость:

— Какого рожна ты в магазине vareжку разевал про деньги? Это, пойми, дурья твоя башка, коммерческая тайна! И ведь не случайно этот термин ещё при Петре у нас появился в негодичанском мире! Я же и сам тебе не раз говорил, что главным пороком сельских жителей, да и русских обывателей вообще, всегда была зависть. Тут очень точна поговорка: «Пусть лучше мой единственный дом сгорит, только бы у соседа сгорело оба!» А ты сразу про тысячу вырученных рублей брякнул. Да здесь пенсии колхозники получают по десятке, зарплаты — максимум по пятьдесят рублей.

— Но ведь у меня и траты какие! — пробовал возражать Алексей.

— Здешние люди хоть и любопытны, но в вопросах коммерции смыслят куда меньше, чем я в твоей инженерии, — тут же оборвал друга Витька. — Им просто в голову не приходит, что предпринимательство всегда было очень рискованным и затратным делом. А вот вырученная тысяча — это очень просто, это пачка красных с Лениным десяток, которую можно потрогать и на которую в

нашем сельмаге можно скупить буквально все продукты.

Неприятность состояла в том, что Лёшку вдруг вызвали повесткой в райвоенкомат, где попытались забрить в какие-то «партизаны» — на казахскую целину убирать хлеб. Лёшка набрал кучу справок, что-де, когда служил срочную, получил тяжёлую травму головы, что нередко и в обычной-то, штатской жизни у него случаются приступы сильного удушья, а тут суровое казарменное бытие в знойной казахстанской степи. Спор с председателем призывной комиссии завершился тем, что последний, перечеркнув в Лёшкиных метриках рекомендацию невропатолога «Лечиться в диспансере амбулаторно», размашисто написал красной пастой сверху: «Психбольница. Стационар». Еле-еле они от этой больницы отбоярились. Витькин знакомый из КГБ помог.

Но за первой неприятностью последовала вторая. Началось с того, как они сходили в клуб на танцы, где Лёшке понравилась дочка местного председателя колхоза Таня Волнухина. Он трижды приглашал её, а потом и она его — на белый танец. И то ли это не понравилось кому-то из её прежних ухажёров, то ли стало лишь формальным предлогом напакостить пришлому горожанину, но вскоре на стенах грибного заводика появились несколько дыр и надписей с угрозами. Витька предложил вызвать из района капитана милиции Дасмаева, но Алексей, подумав, отказался.

— Знаешь, Вить, — отвечал после некоторого раздумья он, — полагаю, не стоит доводить дело до конфликта, до противостояния. И времени ужасно жалко. Давай лучше конкретикой заниматься. Понимаешь, человека делает не сумма его амбиций и заявлений, а сумма поступков и дел.

— Смотри, конечно, — не совсем соглашаясь, сказал более категоричный Витька. — С одной стороны, вроде ты прав: не надо конфликтовать. Но кто тебе сказал, что они не сочтут это за обыкновенную трусость? А в этом случае, как ты понимаешь, обнаглеют ещё больше. Я регулярно встречаюсь с межаками на родительских собраниях и немного изучил их привычки и нравы. Боязнь, страх присущи многим, пожалуй, даже большинству, а вот великодушие, терпимость — это не типичные для здешнего люда понятия.

Они, блин, по-моему, с Гражданской войны успокоиться не могут. Вот в Соколихе люди покладистей, добрее, там даже барыню в семнадцатом со слезами провожали. Вроде и сёла-то разделяют всего три версты, а люди — как с разных планет. Кстати, говор тоже сильно различается. Межаки в своей речи часто употребляют уголовные слова и выражения. Ну типа «обуть» — обобрать, обмануть, «взять за фалды» — призвать к ответу, «прочистить дымоход» — совершить гомосексуальный акт, «хрена в лапти обувать» — говорить неясно, путано и прочие. Ни в Соколихе, ни в Столбах, ни в Ясной Поляне так не говорят, окают — и только.

— И всё-таки давай подождём, — стоял на своём Алексей. — С этим всегда не поздно.

И они отправились шпаклевать дыры и смывать надписи. Впрочем, надписи пришлось соскабливать, потому что злоумышленники нанесли их масляной краской. Но при помощи олифы и скипидара дело шло быстро.

Скоро друзья вернулись в дом и уселись за чай. Там ощущалось стойкое присутствие зверобоя и душицы, потому как, по мнению Виктора, пить «грузинский веник» в чистом виде — это и не чаепитие, а всего лишь утоление жажды: ни вкуса, ни цвета, ни куражу... С год назад Витька был в приморском Потти на чайной плантации. Вальжный пузатый гид из Кутаиси сообщил туристам, что к чаю почти до самого его созревания местные колхозники не притрагиваются. А зачем, если всё делают бродящие неподалёку коровы? Самого чая они не употребляют, а вот растущий вокруг него сорняк уничтожают начисто. Да и удобряют неплохо! С тех пор Витька окончательно понял, отчего все гоняются за индийскими и цейлонскими чаями. А поскольку последние в Межу не завозили со времён нэпа, он и стал улучшать «коровий» чай разными добавками типа мяты, клевера, сушёного боярышника, липового цвета и прочего. Но случалось, Лёшка доставал и «со слонами». Этот заваривался втрое гуще и ароматнее, и они могли чаёвничать, особенно долгими метельными вечерами, по несколько часов кряду. Витька по этому случаю даже переводную японскую литературу достал, в которой обстоятельно описывалось несколько вариантов чайных церемоний. Они купили специальный заварочный чайник с иероглифами, вазочки под варенье, мёд и сливки,

аккуратные пиалы и блюда под сладости. Постепенно так привыкли к этим церемониям, что почти забыли про медовуху, а о чём-то более крепком и не помышляли! И, наверное, так бы и пережили зиму: от вечера до вечера, от церемонии до церемонии, да вот только однажды в дверь Витькиной избы настойчиво постучали...

Настенные ходики показывали около двенадцати ночи, что, по сельским меркам, считалось совершенно неурочным временем. Витька сразу весь напрягся, а беспечный Лёшка как ни в чём не бывало заторопился к двери, словно давно ждал этого полуночного стука. Когда он уже собрался отпереть коридорную дверь, за ней что-то с оттягом хлестнуло по срубу, и Лёшка отлетел от косяка, словно от раскалённой кочерги, которую по неосторожности хватанул голыми руками. Из-под притолоки брызнула на кухню струя жёлтой трухи, едко пахнуло пороховой гарью. Лёшка тут же закрылся от ненадёжной деревянной двери кирпичным углом русской печи и с вопросительным испугом глянул на Витьку. Но того за столом уже не было. Стоя на коленях посреди комнаты, он тянул из-под кровати ружьё и патронташ, с опаской поглядывая на плохо занавешенное окно в (слава богу!) заметённый снегом палисадник. Тогда Лёшка змеёй дополз до окна и, ловко сделав пируэт, завесил прогалину остатком гардины. В избе повисла знобкая тишь, только Витька звякал старым латунным патронном о казённую часть переломленной двустволки. Но больше уже не стреляли и не стучали. Витька сел спиной к шкафу и как-то грустно, не обращая ни к кому, проговорил:

— Ну вот, я ж говорил, что великодушие здесь не в чести. Решили ещё раз пугануть, чтоб, значит, наверняка.

— Думаешь, стрелять больше не станут? — спросил несколько пересмякший Алексей. — Я встану тогда, Вить?

— Не, стрелять не станут, — уверенно отвечал Витька. — Я слышал, входная в коридор хлопнула. Они, думаю, уже далеко. Но ты, брат, на всякий случай ещё трохи¹ посиди. — Сам же он бесшумной охотничьей поступью двинулся к двери. Открывал её, прикрываясь толстым косяком и не опуская перед собою ствола. Алексей невольно зажмурил глаза, но скоро злой Витькин голос окончательно привёл его в себя:

— Вот сволочи, и обязательно им напрудить на ступеньках надо. Вишь, раньше какую-нибудь чёрную кошку пускали или мету воровскую оставляли на пороге, а теперь вот извольте — вонючая лужа! Нет, измельчал народец! — всерьёз расстроился Витька.

Глава пятая Весенние грибы

В конце апреля в межевских березняках густо полезли сморчок, строчок и весенний опёнок. Начало грибного сезона Алексей решил открыть самолично и, ухватив в сенцах бельевую корзину, предложил сделать то же самое другу Витьке, который только что пришёл из школы. Неторопливо, почти бережно положив на стол стопку ученических тетрадей для проверки, Витька выразил Алексею сомнение в том смысле, что-де по грибы принято ходить по утрам, а не в полдень. Алексей, видимо осознавая себя таким советским коммерсантом, не согласился: дескать, это летом, когда в лесу царит грибная конкуренция, а нынче лес ещё по-зимнему пуст и можно идти туда когда угодно, хоть ночью с фонариком!

— Ладно, убедил, — обречённо махнул рукой Витька, но корзину взял поменьше, будучи почти уверенным, что грибов об эту пору если и удастся насобирать, то самую малость... Так, себе на жарёху, быть может. Обув сапоги — Лёшка резиновые, а Витька кирзовые, — двинулись к опушке, наслаждаясь крепнущим солнечным светом и неподражаемым щёлком первых соловьёв. Когда они подошли к заполненному талой водой овражку, который был некой границей между полем и берёзовой опушкой, Алексей спросил:

— Как переправляться-то будем?

— А зачем переправляться? — по-хозяйски глянув куда-то в сторону, выразил недоумение выросший в этих местах Витька. — «Нормальные герои...» Обойдём мы это место — и все дела. Вон по той дороге, — махнул он рукой на юг. — Она по возвышенности проложена. Там сухо.

И они побрели вдоль овражка к песчаной дороге из Межи в лесничество, по которой вскоре и ступили под сени ещё не распутившихся бе-

¹ Трохи - немного.

рёз. Первые сморчки нашли метров через тридцать. Лёшка вышел на них по острому грибному запаху, который в сухом ещё лесу перебивал буквально всё. Он резал грибы неторопливо, с удовольствием очищая их бурые морщинистые шляпки от сухих трав и разного лесного сора. Витька в это время достал из корзины несколько банок и поставил под ближайšie берёзы, предварительно пустив из них сок и надрезав треугольником кору для аккуратного его стекания. Сок был немного мутноватым, белёсым, но шёл вполне споро, что говорило о том, что почки на берёзах ещё не готовы.

— Пока собираем, — поделился своими соображениями Витька, — глядишь, и банки наши захлебнутся. Сок этот полезней облепихового будет, особенно для почек. А то у меня последнее время что-то в нижней части спины постреливает. Ладно, пошли вон на тот пригорок, там уже подсохло, а главное — солнышко играет. Наверняка должны проклонуться!

Но сначала друзья набрали на лужок подснежников, которых решили набрать на обратном пути, памятуя об их скоротечной жизни... без воды. А на бугре и в самом деле они срезали более десятка крепких сморчков и два пенька луговых опят, которые значительно уступали осенним в размерах и сочности, но пахли тоже неплохо. Кажется, уже входя в роль, Алексей приказал тощие тёмные ножки отрезать напрочь, брать только шляпки, что Витька с готовностью и выполнял, упрощая себе работу. За первым пригорком последовал второй, а затем и третий. В низине было ещё очень сыро, и грибы там пока не появились.

— Сюда в начале мая заглянем, когда медуница появится, — сказал Алексей и сообщил, что у него уже полкорзинки.

— У меня — тоже! — с оттенком некоторого хвастовства отвечал Витька. — Хотя у меня бельевая, а у тебя лукошко какое-то. — Потом виновато улыбнулся и добавил: — Да шучу я, шучу, конечно! Ты вон всю округу обходил и разведал для дела, а я в это время всё резал, резал... Но ведь я по грибному делу теперь твой подчинённый, мне так положено. Кстати, — резко оборвал себя Витька, — в субботу в клубе мексиканскую картину будут крутить. «Грибной человек» называется...

— Врёшь! — почти заорал Лёшка. — С языка снял?

— На, читай, Фома неверующий, — протянул Витька скомканную афишу. — С забора я снял возле магазина, а не с языка.

Глаза у Лёшки заблестели, и он радостно прокричал на весь березняк:

— Цветной художественный фильм «Грибной человек». Мексика. Начало сеанса в 19 часов ноль-ноль минут. Обилечивание в зале. Интересно, а в Мексике растут сморчки?

— Там климат совсем другой, — засомневался Витька. — Там какие-нибудь тропические грибы, больше на наши мухоморы похожие. Посмотрим. Мир огромный: Мексика — на южных морях и океанах, мы — ближе к северным, а грибы, однако, есть и у них, мексиканцев, и у нас, русских. Наши вожди с гордостью называют это солидарностью народов мира, но сами предпочитают чёрную икру, которая «растёт» преимущественно только на территории СССР.

— Однако с той вон вырубке тоже грибами тянет! — хищно поводя ноздрями, прервал разболтавшегося друга Алексей. — Поспешим, брат, а то дело к вечеру.

И они напали на чистом, хорошо прогретом месте на очень крупные и уже пожелтевшие на солнце сморчки. Лёшка ликовал ещё и потому, что за всё время сбора сморчков им не попалось ни одного червивого гриба. Червь в ещё холодной, а порой и совсем стылой почве отсутствовал. И по траве к грибам пробраться не мог, поскольку трава ещё не выросла, разве что возле стволов деревьев, где проталины появились раньше. Но сморчки к деревьям не лепились, предпочитая открытые пространства. Ещё через час, когда солнце совсем покраснело и начинало целовать за лесом бесконечную Столбинскую гору (на ней виднелась деревенька Столбы), друзья присели на поваленную сосну перевести дух. Корзины их были полнёхоньки, банки тоже, а подснежники они рвать не решились.

— Дождёмся черёмухи! — пытался объяснить свою нерешительность Витька. — А эти быстро завянут, до дому донести не успеем, больно уж нежные. Скоро одуванчики вокруг избы покачат, васильки, колокольчики, сирень, а потом и чайная роза, ромашка... Всё лето впереди! — Бодро хлопнул он по спине блаженно вдыхающего грибной запах Алексея, после че-

го резво встал и печально глянул на первые вечерние дымы родной Межи:

— Знаешь, Лёш, я ещё и с директором о своём возможном уходе не переговорил, а ученики мне уже с десяток открыток в журнал положили: «Виктор Сергеевич, не уходите от нас!» Впервые положительно не знаю, что делать...

— А ты пока и не делай ничего, — задумчиво проговорил Алексей. — Каникулы длинные, а директору можно сказать и позже, если у нас с тобой всё пойдёт как надо. Зачем раньше времени гусей-то дразнить?

— А ты полагаешь, может и не заладиться? — с прежней растерянностью спрашивал Витька.

— Понимаешь, грибы, как и всё наше нечерноземное сельское хозяйство, натура изменчивая, непредсказуемая, — размышлял, кое-как придерживая свою тяжеленную корзину, Алексей. — И весенний урожай сморчков вовсе не значит, что в июле-августе, то есть в грибную страду, столь же обильно полезет в здешних борах наш основной гриб: белые, грузди, маслята, подосиновики, подберезовики, волнухи, опя...

— Да ладно тебе! Понял я, — в некотором расстройстве перебил друга Витька. — Я уже думал об этом. И вообще, грибы как яблоки: если в этот год — прорва, то на следующий — ни хрена или очень-очень мало.

— А поскольку у нас промышленное производство, — согласно продолжил логику Витькиных рассуждений Алексей, — то нам необходимо много или очень много, иначе сдавать не понесут. Если только алкаши — на водку, а остальные для себя кое-как наберут — и всё. Тогда разоримся. Факт.

— Ну, не обязательно, — не согласился Витька. — Сарай ведь есть не просит. Ты много в долг брал?

— Да нет, — улыбнулся в ответ Алексей. — Рублей триста.

— Ну, вот видишь, гриба не будет — временно найдём другую работу. Или я в школе останусь, а ты — в наш Дом быта или на пилораму. Да и подкальмить в Меже неплохо можно. Где проводку сменить, где телевизор починить, где баню перебрать. Здешние горе-мужики только пить да материться могут, а телевизор для них — китайская грамота. Пробки в счётчике поменять — и то проблема. Помню, по зиме отец Танечки Жид-

ковой из шестого класса просил меня пробки ему сменить...

— А сам-то что? — удивился Алексей.

— Не могу, говорит, — Витька скорчил мученическую мину, — руки трясутся.

— Ну, дела... — только и смог вымолвить Алексей. — Это ж сколько надо выпить, чтоб пробки было не вкрутить?

— А тут месяцами пьют, до белочки или когда уж никто не поит и в долг не даёт, — со знанием дела отвечал Витька. — У меня, случалось, медовухи Христа ради просили, а то и на колени вставали. Ну как тут не налить? Бывало, нальёшь стакан-другой, глядишь — человек порозовел, успокоился, трясун у него унялся. И то ладно. На следующий день ему уже полегче. Белая горячка, она, как ни странно, по трезвости приходит, когда человек мается от бессонницы, потеет, чешется весь, мысли ему разные в голову лезут, кошмары снятся, дыхание замирает. Словом, ЦНС в полном расстройстве.

— ЦНС? — вопросительно глянул на Витьку Алексей.

— Вот именно. Центральная нервная система, — кивнул Витька с видом бывалого нарколога. — В таком состоянии человеку успокоительное надо колоть и снотворное пить, чтоб, значит, в полусне пару-тройку дней находиться. Но ведь знаешь какие здесь бабы? Мужик едва-едва живой, его бы пожалеть да выходить. А они, наоборот, своим матом только пуще его состояние усугубляют. Ну он, разумеется, начинает опять выпивку искать. Замкнутый круг...

В это время они подошли к своему грибному заведению и с удовольствием сняли с плеч свои тяжкие корзины.

Глава шестая

Витька в мучительных раздумьях

Последнюю банку закручивали далеко за полночь. В глазах у обоих рябило, а ноги почти ничего не чувляли. От постоянного нахождения в полусогнутом положении спины ломило, как при радикулите, а плотный грибной пар со специями буквально пропитал всю их одежду до трусов и маек. Вытерев обильный пот со лба какой-то грязной тряпицей, случайно найденной в запечье, Витька сообщил другу, что сейчас он

чувствует себя как Мартин Иден после рабочего дня в гладильне.

— И как себя чувствовал этот персонаж, если не ошибаюсь, Джека Лондона? — спросил Алексей, расставляя закатанные банки по полу вдоль стены — вниз крышками.

— Там тоже было жарко и влажно, и тоже приходилось работать в согбенном положении по несколько часов кряду. В конце рабочего дня он напивался как сапожник, хоть и был куда крепче нас с тобой, — тяжело вздохнув, констатировал Витька.

— Но мне напиваться неохота, — со значени-ем поднял указательный палец Алексей. — И знаешь почему?

— Почему? — изобразив из себя полную бес-толочь, спросил Витька.

— Потому что мы работаем добровольно, на се-бя, на собственном заводике, а мечтающий о судьбе писателя Иден — на того дядю за крохот-ную зарплату, которой ему хватало лишь на вы-пивку и закуску. Понимаешь, мы заинтересо-ваны в результатах нашего труда, он — нет, — от сказанного Лёшка пришёл в состояние сильного волнения, словно никакой научной экономики до него не существовало вовсе и никто из учёных мужей и политиков не разграничивал труд раб-ский и труд свободный. Но вдруг, словно что-то вспомнив, он неожиданно сменил тему: — Вить, я всё-таки вижу, как ты мучаешься: уходить из школы — не уходить из школы? Оставь ты это, брат. Будет время — поможешь... И потом я ведь могу и нанять какого-нибудь мужичонку из Ме-жи, а? Как ты на это смотришь?

— Найми лучше бабу работающую, — огрызнул-ся Витька. — Оно надежнее выйдет! Про мужиков здешних я тебе уже говорил. Скорее всего, подве-дут. Как получит кто первые деньги — сразу в за-пой, и... плевать он на всё хотел: и на грибы, и на котлы, и на всё наше дело. Более того, родные его тебя же и обвинят в том, что ты спаиваешь их «кормильца»!

— Ладно, я подумаю, — пообещал Алексей и стал скатывать с мокрого тела исподнюю рубашу.

Окатив друга остатками тёплой воды, Витька и сам облился, не дожидаясь, пока тот оботрётся и махнёт ковшиком колодезной воды. Потом они на-дели свежее бельё, свитера и, заперев заведение на все замки, направились к избе в предвкуше-

нии вечернего чая с блинами, испечь которые Витька собирался ещё со вчерашнего утра. Муку для этого дела он размешивал не в молоке, а в простокваше, и яиц клал раза в два больше, чем городские скупердяи, а потому блины у него по-лучались пухлые, как кулебяки, и вкусноты нео-быкновенной! Лёшка даже в сметану их не ма-кал, а лишь слегка мазал мёдом. Брал гусиное пе-ро и мазал — и себе, и Витьке. Некоторое время от едального наслаждения они даже говорить не могли, а лишь довольно урчали и охали. После пятого блина Лёшка прилёт на диван, блаженно прикрыл глаза и констатировал общее состояние своей души и организма:

— Всё! Ничего больше не хочу. Так бы вот ле-жал... долго-долго и ни о чём не думал. Знаешь, Витюш, давай делать то, что должно, и пусть всё будет как будет.

Через несколько минут прибиравший на столе Витька услышал его мирное посапывание и дос-тал из комода портативную пишущую машинку югославского производства, которую ему подари-л научный руководитель из Ленинграда, чрез-вычайно довольный написанным Витькой дип-ломом — «Мотивы снега и вьюги у Пушкина и Блока». Включив настольную лампу, Витька приступил к написанию важного для него сейчас письма. Он писал так:

Здравствуйте, дорогой Юрий Николаевич!

Прежде чем написать Вам, долго думал — а сто-ит ли? Ведь Вы человек хоть и очень мудрый, но су-губо городской. Однако Вы, в отличие от меня, во-евали и многое в своей жизни перенесли, в том чис-ле и наши лагеря. Я, как Вы уже знаете, развёл тут хозяйство, то есть не только учительствую, но и занимаюсь с коровой, телёнком, поросёнком (сей-час его нет, правда, перевёл на мясо), курами. А тут ещё друг из Усольска приехал, построили с ним цех по переработке грибов и вот теперь мечтаем превратиться в этаких советских цеховиков. А их, говорят, в столицах всех давно пересадили. Но не это гложет мою душу. Ведь я сдал уже все канди-датские экзамены и готов стать Вашим аспиран-том, а лучше — соискателем, чтоб не отрываться от моего хозяйственного процесса. В принципе, ас-пирантура мне и не нужна, потому что диссерта-цию, тему которой Вы мне любезно предложили, я уже написал, то есть готов к утверждению глав — от истории вопроса до библиографии. Более того, я

уже глянул в перспективу и, кажется, раздвинул её рамки до уровня докторской, попутно обозначив примерные темы научных публикаций. Просидев несколько дней в «Щедринке», я пришёл к твёрдому выводу, что об этом пока что никто не писал и, думаю, в ближайшие пять лет вряд ли напишет. И вот сейчас пишу и думаю, как же мне быть? Если стану «капиталистом», то боюсь, что будут проблемы с диссертацией и защитой соответственно, а если останусь в школе, то придётся пахать сразу на несколько фронтов: уроки с тетрадями, хозяйство со скотиной, заводик с грибами (сезонно, правда) и научная работа с выездами в институт. Боюсь не справиться. Кто берётся чересчур за многое, может запросто не преуспеть нигде! Не об этом ли Вы мне однажды говорили?

Сейчас я увлёкся сличением бунинских стихов с его же небольшими рассказами. Особенно поразительно перекликаются рассказ «Мистраль» и последнее стихотворение 1953 года: «Ледяная ночь, мистраль...» Ну, Вы помните? А есть ещё стихотворные аналоги «Лёгкого дыхания» и очень многих вещей из «Тёмных аллея»... Кое-где даже музыка перекликается, то есть у рассказов примерно тот же ритм, что и у стихов, и даже метр в прозе ощущается! И это легко просчитывается математически. Ну, Лотман научил меня на свою и мою голову! Впрочем, и Белый с Эйхенбаумом были того же мнения: деление художественного текста на прозу и стихи — условность! Но об этом лучше при встрече. А пока жду от Вас мудрого совета или хотя бы Ваших чудесных житейских рассуждений.

Ваш скотник и грибовар Виктор Реми.

Р.С. Прошу прощения, Юрий Николаевич. Совсем забыл. Я где-то читал, что можно написать научно-популярную книгу по исследуемому вопросу и её могут зачесть как диссертацию. Или ВАК сие уже отменил? Впрочем, мою концепцию, что «в начале было слово» и лишь потом «Бог», не говоря уже о живой власти, партии и «кратком курсе», не только учёные зарубят, но и чекисты непременно на заметку примут. А при моей фамилии Реми мне прямая дорога примерно в ту же сторону, что и Осе Бродскому, хоть я и не еврей. Не так ли, профессор?

Витька опустил машинку в футляр, а письмо — в конверт. Он вдруг почувствовал, что очень давно не видел в печатном варианте своей красивой фамилии, которая, как он теперь пони-

мал, тоже не будет способствовать его продвижению по научной лестнице. Тут он вспомнил высказывание своего любимого профессора Лосева, который читал на его курсе эстетику и вёл спецсеминар по современной музыке: «Наука — лестница, она перечёркивает самоё себя, а поэзия — это взмах крыльев!» Витька обречённо взмахнул руками и отправился на кухню резать капусту для завтрашних щей.

Глава седьмая

Как Витька «поймал» дистонию

Проснулся поздно улётшийся Витька от какой-то громкой ругани на улице. Прислушавшись, он узнал два голоса: надрывный — Лёшкин и успокоительный — межака Дивы, который ходил к ним на колодец за «лесной водичей». Был Дива человеком чрезвычайно мирным, покладистым, а потому Витька хоть и был спроне, но очень удивился этой Лёшкиной ругани: «Чего это он с Дивой-то завязался? Вроде вчера и не пили...» Вставив ступни в шершавые клумпусы (валенки без голенищ), Витька, покачиваясь и позёвывая, побрёл к двери. Утро встретило его ещё не разогнанным ночным холодом, по которому он, зябко ёжась и почихивая, направился к колодцу, где Дива уже успел вывернуть два ведра воды и теперь лихо сажал их на коромысел.

— Здорово, сосед! — приветливо махнул Витька рукой, неторопливо выходя на лужайку.

— И вам не болеть тоже! — отвечал седой уже мужик, придерживая на согбренных плечах самодельный, крашенный охрой коромысел. Глаза у него были печальные и даже несколько виноватые.

— Да что у вас тут произошло, ёлы-палы?! — вспыхнул вдруг невыспавшийся Витька. — Чо, блин, лагаетесь, как вокзальные торговки?

— Да не лаемся мы, — устало отмахнулся Алексей, — а происшествие обсуждаем. Вот и Тузик твой, увы, отлаялся, — указал он на забор, под которым лежал окровавленный труп собаки.

— Происшествие? — пытаясь хоть как-то сосредоточиться, переспросил Витька.

— Вот именно, — подтвердил Алексей и, заметив, как Дива гнётся под тяжёлыми ведрами, махнул ему разрешающе: — Ладно, Иван,

понял я всё. Ты иди. Если понадобится, я к тебе сам зайду.

— Ну, давай — радуй, твою мать... — предчувствуя неладное, ярился Витька.

— Дураки мы с тобой, Витюха, — с кручиной в голосе проговорил Алексей. — И ведь подумал я перед уходом из грибоварни, а не перенести ли нам эти банки с грибами в избу... от греха? Но в последний момент забыл как-то, быстрее за стол захотелось с устатку, а потом — баиньки. Теперь вот жалею...

— Что, спёрли? — упавшим голосом спросил Витька.

— Если бы... — отрицательно затряс головой Алексей. — У нас с тобой, Витя, здесь появились настоящие враги, которым наши грибы без надобности. Им конкретно мы нужны, то есть как раз не нужны здесь совсем! Они нас, меня прежде всего, хотят из Межи выдавить любыми способами. Вот и собаку камнями забили в назидание. Ладно хоть голову её к нам на порог не подбросили! Пошли, однако, сам всё увидишь.

И они неторопливо, даже с какой-то опаской, словно сапёры на минном поле, зашагали к своему кургузому заводу. Уже издали Витька обратил внимание на то, что в стене зияет огромных размеров дырища! Чем и как её проделали, он сначала даже и не понял. Подойдя поближе, увидели вокруг дыры ошмётки затоптанных в грунт грибов и специй, а также битое стекло банок. Внутри было ещё гаже. Грибами были вымазаны и стены, и полки, и пол, а из котла для варки несло человечьим дерьмом. Витька не стал туда даже заглядывать. Всё и так было понятно. Всё тот же почерк. На одной из полок вышибленным из печной кладки кирпичом была придавлена записка:

«Городская сука! Последний раз предлагаем тебе уносить ноги добровольно. Иначе придётся тебе их переломать. Ты здесь со своими грибами на х... никому не нужен. И не подставляй своего друга. Макар».

— Ладно хоть тебя не неволят, — с искренним облегчением сказал Алексей. — Видно, хороший ты учитель. Значит, кто-то из местных старожилков за этим всем стоит, кто-то весьма властный. Ты такого имени или погоняла здесь не слышал, Вить?

— Надо подумать, напрячь мозги, — погребаль-

ным голосом проговорил Витька и вдруг сполз по стене прямо на стекло.

У него отнялись сначала ноги, потом язык, а затем стало совершенно нечем дышать. Он вдруг понял, что умирает от какого-то ранее неведомого ему недуга. Зато Алексей сразу всё понял и пулей помчался в избу, где выхватил из комода шприц и две ампулы какого-то прозрачного лекарства. Вернувшись, он высосал шприцем обе ампулы, закатал Витьке рукав и почти профессионально с первого раза попал ему вену. Уже через полминуты бледный как мел Витька заметно порозовел, перестал судорожно хватать воздух, обмяк и беззвучно заплакал.

— Какие мерзавцы! — услышал Алексей Витькины причитания. — Сами ни хрена не делают, только завидуют друг дружке и гадят. Нет, скажи, что мы им сделали? Собаку зачем убили? Местные грибники стали у нас прирабатывать — и только. Всё равно им всех грибов из здешних лесов не сожрать! Ведь нам сдают только излишки. Ну и уроды! Что ты мне вколол, Лёш?

— Собаку убили, я думаю, потому, что попросту им мешала. Я слышал ночью лай, но он был недолгим, и я уснул опять, потому как сильно устал. А уколол я тебя транквилизатором, двойную дозу сделал и прямо в вену. Поэтому так быстро и подействовало, — Алексей загадочно улыбнулся.

— Слушай, а откуда у тебя сей медицинский опыт? — спросил почти пьяным голосом Витька.

— Да я в армии ведь и в самом деле серьёзную контузию получил, когда с «барбудес» америкашек брали, — отвечал неохотно Алексей.

При этих словах Витькино лицо вытянулось как ножка гриба-переростка.

— Да, на Кубе я... на Кубе служил. Это сначала нас в Мурманске в учебке натаскивали, а потом... — Лёшка изобразил рукой какую-то неопределённую фигуру. — А ты подумал, когда меня на целину хотели забрить через военкомат, что я кошу? Не, брат, меня после ранения на Кубе даже комиссовать хотели, но я попросил, чтобы оставили до дембеля. Тем более что и добираться в Союз не на чем было, и осталось дослуживать несколько месяцев всего! Вот и перевели меня из морпехов в медбратья. Так что я всему батальону делал уколы и промывал желудки. Словом, многому успел выучиться. По крайней мере, тревожная аптечка с тех пор всегда при мне.

— А что у меня было? — с нескрываемым испугом спросил Витька.

— Уже не было, а есть, — печально констатировал Алексей. — Это приступ дистонии, на почве сильного душевного волнения. Она бывает разных видов. У тебя, похоже, нейроциркуляторная, или вегетососудистая. Всё очень просто: на нервной почве сосуды резко сужаются, кислород к органам не поступает, возникает удушье и явственное чувство смерти.

— Точно! — негромко воскликнул Витька. — Мне в аккурат и казалось, что я вот-вот умру.

— Тут самое неприятное заключается в том, что болезнь эта, если ты станешь психовать, непременно к тебе вернётся. Поэтому давай купим тебе пару пузырёчков пустырника или капли Зеленина и каких-нибудь сильных успокоительных на случай рецидива. Я тебя научу делать себе уколы внутримышечно. Это более эффективный способ, чем таблетки, если что... Понимаешь, от самой дистонии не умрёшь, но она, если распояшется, может спровоцировать более опасные приступы — эпилепсии, например. Поэтому лучше её пресекать, но будем надеяться, что ты возьмёшь себя в руки и перестанешь так возбуждаться из-за разных там недоумков. Их в СССР так много, что можно не дотянуть и до сорока!

— Да я больше из-за собаки, — проговорил Витька. — Мы тут с ней на отшибе, привязались друг к другу...

— А я тебе что говорил? — назидательно взмахнул кулаком Алексей. — Овчара надо было завести! Он бы им тут все задницы на портянки разорвал! Ладно, ты полежи ещё минуток десять, а я помаленьку начну прибираться. И не жалея ты этих банок, грибов, работы впустую. Скажи спасибо, что ничего не сожгли и не разрушили. А мы с тобой сейчас подумаем, как нам дальше жить...

Глава восьмая Кто он, этот Макар?

Прибирались друзья часа два, а потом до обеда заделывали дыру в стене. Забивали сразу и изнутри, и снаружи, чтобы внешне было так, как будто ничего и не было. Всё это время Витька требовательно спрашивал у своей памяти: «Кто такой Макар? Где я встречал это имя?» И

вдруг до него дошло, что Макар — это не имя, а сокращённая фамилия «Макаров». В Меже жили две семьи с такими фамилиями, и из обеих в школу ходили детки. Девочка — в пятый класс и мальчик, нет, уже подросток, — в восьмой, самый бандитский класс школы, из которого, судя по всему, процентов восемьдесят пойдут в ПТУ, поскольку и учились плохо, и из семей — неблагонадёжных, многодетных или пьющих. Мальчика, вспомнил Витька, по классному журналу зовут Коля, но в классе и школе все так и кличут — «Макар». «Так, так... — продолжал размышлять он, надраивая варочный котёл какой-то вонючей жидкостью, которую налил ему в ведро «медбрат» Алексей. — Отец Макарова нигде, кажется, не работает. По крайней мере, в Меже — точно. Постоянно болтается в район, а зачем? Подрабатывать? Надо бы узнать. Мутный он какой-то, говорит всё больше какими-то намёками, словно постоянно угрожает. Смотрит исподлобья. Неприятный тип. Ходят к нему несколько межаков. Двоих я знаю точно: Серёга Ефимов недавно с «общего» пришёл, сидел за пьяную поножовщину, и Иван Терешук. Тоже сидел, но давно и, кажется, по какой-то очень серьёзной статье. Надо бы узнать. Здесь без Дасмаева из РОВД не обойтись! Придётся посвятить его в дела наши скорбные».

— Эй, Лёха! — окрикнул он друга, который собирал весь вынесенный из цеха мусор в бумажные мешки из-под цемента. — Как говорят межевские старожилы, соси сюда, рога мочить буду!

Как ни странно, Лёшка с лёту понял смысл сказанного и с интересом шагнул через цеховой порог.

— Ну, давай, не мучай, учитель, ёк-королёк! — понарошку потребовал он. — Вижу, что допёр до чего-то дельного!

— Вот что, брат, — не подлежащим возражению тоном сказал Витька. — Пошли завтракать — и в район к Дасмаеву поедим. Кажется, знаю я, что это за Макар.

— Слушай, ты можешь хоть в двух словах мне свои догадки передать? — с некоторым упрёком сказал Алексей. — Иначе и кусок в горло не ползет. И вообще, пока есть время, я бы тоже немного подумал над твоими предложениями. Как говорится, одна голова хорошо, а...

— ...А две ещё хуже, — оборвал Витька. — Учатся у меня двое Макаровых: девочка — в пятом классе и подросток — в восьмом. Девочка из обычной, ничем не приметной семьи: отец с матерью в колхозе пашут. Она коров доит, а он пашет в самом прямом смысле слова, то есть тракторист. А вот отец мальчика (его как раз Макаром кличут) года два как освободился. Темноватая личность, и дружки у него из сидельцев. Кстати, сынишка его, который у меня учится, из проблемных деток, верховодит шайкой школьных хулиганов, и его тоже, естественно, кличут Макаром. И Макар-старший имеет на Макара-младшего очень сильное влияние. Я возле пролома следы видел и скажу тебе, они до мужских не дотягивают. Во-первых, маловаты, а во-вторых, вдавлены в грунт слабовато, то есть весьма небольшим весом. Сдаётся мне, что в нашем грибном цехе подростки орудовали.

— По указке родителей? — высказал догадку Алексей.

— Ну, может быть, и родителей, а может, и родителя, — предположил Витька. — Макар-старший — мужик ушлый, исходя из законов конспирации, мог и не раскрываться перед всеми, а поставить задачу одному лишь сыну. Он собрал своих пацанов и придумал какую-нибудь хрень типа той, что рассказывала бабам в магазине гадалка эта, Онисья, что-де приехал тут не то мошенник, не то шпион и надо ему показать, где раки зимуют. Ну, не верю я, что взрослые мужики станут, блин, в котёл срать. Это явно подростковый почерк.

— И ты обо всём этом собираешься рассказывать вашему участковому? — в явном недоумении спросил Алексей. — А если он с этим Макаром дружбу водит?

— Если честно, то я этого тоже побаиваюсь, потому что Макар здесь нигде не работает, а всё больше в районе пропадает, — задумчиво почесал в затылке Витька. — А потому, разумеется, со своим участковым он, недавно откинувшийся с зоны, как минимум хорошо знаком. Но другого выхода я не вижу, потому как могут ведь и сжечь, и застрелить или ещё какую-нибудь гадость придумать. Зэки у нас редко бывают бывшими, им скучно заниматься хозяйством и вообще каким-либо трудом. Это, по их понятиям, запахло и пристало лишь слабым и трусливым, а они про-

живут за счёт своего авторитета, силы и связей. Это в блатном мире вызывает уважение, а труд — нет, скорее презрение, потому что там, на зоне, трудиться их заставляли бригадиры, «активисты» и «мусора». И это, блин, главная нестыковка установок нашей КПСС и всей исправительно-трудовой системы.

— Ну, брат, тебе после института надо было в МВД идти работать, — без тени юмора отвечал Алексей. — Тебя ведь звали туда? Этот твой бывший тесть... как его? Павлов, Полевой... э-э-э... — Алексей выписывал руками какие-то хитрые полукружья.

— Поляков, — подсказал Витька. — Отец моей бывшей жены Марины. Он замещал начальника УВД области по политической части. Тёща моя, то есть жена его, тоже там работала. И Марина после окончания института туда же, естественно, пошла, в инспекцию по делам несовершеннолетних, в так называемую детскую комнату. А я пошёл служить простым рядовым. Мне моё будущее представлялось несколько иначе. В общем-то, и развелись поэтому: они привыкли служить и подчиняться, а я с рождения не терплю всё делать по ранжиру, по принуждению, по команде. Как диктует внутренняя необходимость — так и надо поступать. Вот сейчас что-то мне говорит, что мы должны разыскать этого Макара и посмотреть ему в его поганые глаза.

— Посмотрим, не сомневайся! — ободряющим голосом сказал Алексей и предложил, взяв листок бумаги, набросать план.

Усевшись за кухонным столом, они его и набросали. Первым делом Витьке предстояло переговорить со своими учениками — переговорить очень осторожно, чтобы не вспугнуть предполагаемых шантажистов. Затем он сделает восьмикласснику Макарову пару строгих замечаний и, сославшись на его плохое поведение и хроническую неуспеваемость, посетит его родителей. Беседу станет вести по обстановке, но не преминёт задать несколько провокационных вопросов типа — «А где ваш сын был в ночь со второго на третье мая?» И тогда Макар-старший должен будет «завозиться», поскольку, если он втянул в свои грязные дела сына, а Алексей с Витькой уже мало в этом сомневались, ему будет куда тревожней того, если бы в грибоварню проникал он сам.

Через час из лесу потянулись грибники, и почти все они поворачивали с дороги к грибному цеху. Лёшка подвесил к стропиле безмен и, представляя грибников аккуратно перекладывать сморчки из грибных корзин в специальные весовые лукошки, то и дело толкал пальцем по железной планке небольшую весовую гирьку, а добившись весового равновесия, просил сдатчиков лично убедиться в результате, чтобы потом не было никаких вопросов.

О ночном происшествии друзья решили никому пока не говорить. А в это время Витька, то есть, конечно же, Виктор Сергеевич Реми, начинал урок русской литературы в восьмом классе. Дома восьмиклассники должны были подготовить краткие сообщения о каждом из помещиков, к которым обращался Чичиков за «мёртвыми душами». Коля Макаров, как всегда, когда начинался опрос, сидел, низко опустив голову. Но на сей раз это не помогло, и Витька вызвал его к доске — поделиться своими впечатлениями о Собакевиче. Подойдя к учительскому столу и повернувшись спиной к доске, Николай угрюмо замолчал.

— Понятно, — сказал Витька. — Бери-ка, дружок, мел, и сейчас будем рисовать портрет Собакевича всем классом. Но начнём, разумеется, с тебя. Итак, тебе фамилия этого помещика кого-нибудь или что-нибудь напоминает?

Николай хлопал глазами, но, казалось, совершенно не понимал, о чём его спрашивают. На мгновение Витьке даже показалось, что перед ним стоит некий, случайно забредший в Межу иностранный мальчик... Разочарованно кашлянув, он сделал знак поднявшей руку девочке. Это была дочь учительницы истории Маша Прудникова, которая с неделю назад получила пятёрку за сочинение по «Ревизору».

— Фамилия Собакевич образована от слов «собака» и «собачий», а поэтому Гоголь хотел сказать этим, что либо сам помещик смахивает на собаку, то есть что он «сын собачий», либо держит при себе много собак. Такие помещики, как правило, проводили много времени на охоте, в кругу животных, которых любили больше, чем людей, — произнесла Маша явно заготовленное ранее сообщение.

Когда Маша села и принялась что-то записывать в свою тетрадь, Витька спросил у Макарова:

— Николай, а ты как к собакам относишься? Вы с отцом держите собаку? — При слове «собака» подросток как-то странно напрягся и испуганно посмотрел на учителя.

— У нас овчарка на цепи, — сконфуженно пробурчал он, — дом охраняет и сад. Байкалом зовут.

— По всему видно, что ты её любишь, — с чувством проговорил Витька. — И я своего Тузика, хоть он и не овчарка, очень любил. Да вот нынче ночью его кто-то убил. Ты часом не знаешь кто?

В этот момент учителю вдруг показалось, что он судья по уголовным делам, который только что приговорил подсудимого к «высшей мере социальной защиты». И если Коля Макаров не зарыдал при этом, то остальное говорило о том, что он обо всём прекрасно знает. «Спрашивается, откуда? — мгновенно спросил себя Витька и столь же стремительно ответил себе: — Отец о таком рассказывать не станет, ибо это бессмысленно. Значит, убивал сам или вместе с отцом, или со своими хулиганистыми приятелями».

— Вижу я, тебе не до Гоголя, — сделал вывод учитель Реми. — Клади мел и иди на место. Придётся мне навестить твою семью, иначе я вынужден буду оставить тебя на второй год. — Подросток обречённо побрёл к своей парте. Вид его был жалок.

Глава девятая Путь к ультиматуму

Витька пришёл из школы к обеду. Прямо на кухне, возле печки, были составлены в ряд завинченные банки с пухлыми, коричневыми сморчками. Витька насчитал более двух десятков литровых банок. «Однако Лёшка набил руку!» — присвистнул он в восхищении и стал спускать банки в погреб, перекладывая их для безопасности мешковиной. Примерно через полчаса, когда он доваривал уху из налимов, на кухню пожаловал и сам грибовар... с ещё полдюжиной банок и кастрюлькой сваренных на обед грибов, от которых исходил пряный аромат маринада.

— Вот и чудненько! — воскликнул Витька. — А я в аккурат картошечки сварил и капусты квашеной из подпола достал. — С этими словами он начал нарезать чёрный хлеб и расставлять по столу

суповые тарелки, плоски с горчицей и хреном и блюда для рыбьих костей. Обедали весело, хоть Алексей и вымотался в своём цехе до предела.

— Ничего! — утешал он скорее всего самого себя. — Главное, понесли сердешные — гриба в лесуросло видимо-невидимо! Правда, сморчок ещё с неделю продержится — и амба! Но я уже заказ на весенние опята сделал, на раннюю сыроежку, а там, глядишь, и до первых маслят да подберёзовиков — рукой подать. Ну, покурю с недельку, отдохну, в район с товаром сгоняю. Сам попробую продать, в потребкооперацию загляну. Если цену более-менее предложат, то сдам банок двадцать. Нам — на текущие расходы. — Сказав всё это, Алексей вопросительно уставился на Витьку — дескать, а у тебя там что по поводу Макара?

— Давай-ка, брат, часок-другой передохни вон на диване, а то лица на тебе нет. А потом мы с тобой это дело обмусолим и решим извечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Лёшка послушно мотнул головой, сделал несколько шагов в комнату и повалился всем телом на мягкую плюшевую кушетку. Дождавшись через минуту-другую умиротворяющего Лёшкиного сапа, Витька вышел перед домом на лужок и сел на приделанную к частоколу скамью. На лужке появлялись первые одуванчики, на которых там и сям раздавалось приятное для уха пчелиное жужжание. Кое-где угадывались и шмели с осами, но их было куда меньше. Витька решил, что как только одуванчики наберут силы, он нарвёт их (головок) как можно больше и поставит знаменитого французского вина, «вина из одуванчиков»: головки засахарит и растолчёт в воде, а в качестве дрожжец положит в винный продукт забродившего одуванчикового корня, который даёт винный запах уже на третий день пребывания в тепле.

Потом Витька посмотрел на острый конёк половни, на котором сидела огромных размеров ворона с видом существа, не подвластного времени. Он показал коварной птице фигу, которую та на свой счёт явно не приняла и продолжала сидеть как ни в чём не бывало. «Знает, блин, что невкусная, а то небось бы сразу и сиганула за половню. И ведь до чего ленивая! Грачи вон червяков с пахоты таскают своим грачатам, а эта птенцов чужих сожрёт, зараза, и сидит наблюдает — где бы ещё чего-нибудь запретного спереть! Не-

даром охотовед из района обещал за дюжину вороньих лапок лицензию на кабана!»

Потом Витька заметил над озимью тройку крякв, которые целились на небольшое болотце неподалёку. Заметив их, ворона тяжело снялась с конька и направилась примерно в том же направлении. «Чёрт бы дёрнул этого Дарвина с его естественным отбором!» — зло подумал Витька, надеясь всё же на то, что утки высидели своих утят где-нибудь на островке, куда вороны садятся крайне редко, опасаясь грозных скоп и огромных ястребов-тетеревятников, не брезговавших, впрочем, по весне и привязанными к своим гнёздам уточками. А однажды прошлым летом на загадочной речке Пьяне, что хитро петляет в лугах за лесом, на вышедшую на отмель ворону напала щука. Оторопевший Витька видел эту захватывающую битву собственными глазами. Ворону спасло лишь то, что зашла она — видимо, в поисках лягушек, — совсем недалеко, а потому хоть и с перекушенной лапой, но успела подняться на пару метров над водой, чтобы затем бессильно рухнуть в куст дикой смородины. Искусанную ворону потом пристрелили, чтобы не мучилась, и выставили пугалом на огороде с тем, чтобы её товарки не прилетали туда за недавно вылупившимися цыплятами. Но какова щука! Витька тогда представил себе шук килограммов на тридцать и с ужасом понял, что случись с этими кровожадными пресноводными рыбами такая метаморфоза, они наверняка бы стали нападать на людей и вообще сожрали бы всю речную фауну!

Просидев в этих своих раздумьях и воспоминаниях некоторое время, Витька нехотя встал и побрёл к грибному заводу, почему-то вспомнив по ходу макаровского Байкала. Вскоре он и в самом деле нашёл на остатках холмиках завезённого на стройку песка отчётливо пропечатавшиеся подушки огромных собачьих лап, оставленные, конечно же, не его Тузиком. А Тузика следовало закопать где-нибудь в поле, как это обыкновенно делали в Меже. Сделал так и Витька. Обмотал уже задубевшую собаку куском холстины и опустил её в неглубокую полуметровую яму, устланную по дну сочной весенней травой. Потом посадил в собачьем изголовье небольшую сосенку с привязанной к макушке красной ленточкой. В это время на крыльцо вышел, потягиваясь, Алексей, и Витька побрёл неторопливо к нему.

— Ты это зачем с лопатой по полю бродишь? — полюбопытствовал Алексей. — Коренья, что ли, какие ищешь?

— Нет, друже, — отрицательно покачивал головою Витька, — всё куда прозаичней. Тузика я закапывал в поле. Так в Меже принято.

— А что вечера-то не обождал? — попытался упрекнуть друга Алексей. — Похоронили бы вместе. Махнули бы по рюмашке, как водится. Всё же вы дружны с ним были... Года четыре вместе, не меньше.

— Прости, Лёш, но как-то вдруг накатило, нахлынуло всё, — виновато всплеснул руками Витька. — И захотелось вдруг побыстрее посчитаться с этими негодяями, припереть их к стенке, а для того, чтобы сделать это расчетливо, продуманно, необходимо оставить всю боль во вчерашнем дне.

— Понял я, понял, — скороговоркой отвечал Алексей. — Это ты меня прости за мою тугоухость. У тебя, можно сказать, друга убили, а я тут со своими грибами достаю. Но ты же понимаешь, Вить, это тоже своего рода реакция на эту ночную пакость. А теперь я тебя внимательно слушаю.

— Во-первых, с детьми мне беседовать не надо, хватило и беседы с Колей Макаровым возле доски. Он, и это я тебе говорю с полной убежденностью, выдал себя абсолютно. Я его про Собакевича вызвал рассказать, в аккурат к месту пришлось, а он ни туда ни сюда — как заклинило. Ну, я стал наводящие вопросы задавать, спросил про происхождение фамилии «Собакевич». Он опять молчит. Тут, как сон в руку, нам Маша Прудникова, мудрая такая девочка, подсказывает, что Собакевич происходит от собаки. Ну и пошло-поехало. Я его давай на этой собачьей теме колотить, пока на убийство моего Тузика не вышел. Тут он весь задрожал, едва не плачет. Я думаю даже, что иные в классе, из наиболее внимательных, тоже поняли, кто моего Тузика убил. Я это по их лицам видел. А когда он на место пошёл, я ему и сообщил, что зайду к его отцу переговорить, а иначе он на второй год у меня останется. Вот так! Немного на шантаж смахивает, но тут уж ничего не поделаешь, нехай принимают наши правила игры: либо заява в милицию и на второй год, либо чтоб забыли про нас навсегда, как будто нас и нет на свете. Только так, Лёш!

Короче, бьём созданную ими проблему их же оружием.

— Ну что ж, правильно мыслишь, Вить! — согласился Алексей. — Только когда беседовать с ним будешь, постарайся как-нибудь выведать у этого жлоба, что мы им сделали? Почему они требовали, чтоб я отсюда уносил ноги?

— Да мне самому интересно! — воскликнул Витька. — На беседу я зайду один, но ты станешь страховать меня на улице. И Диву попроси для компании. Его, человека божьего, почему-то здесь все мужики побаиваются... Короче, дуй к Диве, а то ещё уйдёт куда-нибудь. А я пока тетрадки по русскому языку просмотрю и беседу с этим Макаром продумаю. Нелёгкий он человек, с двойным дном. Нет, я его не боюсь, но надо быть готовым ко всему, особенно если придётся выдвигать перед ним ультиматум.

— Яволь, майн лерер! — с видом полной преданности отчеканил Алексей.

— Чего-чего? — в некотором смущении переспросил Витька.

— Слушаюсь, учитель! — скорчив хитрую гримасу, перевёл Алексей.

— Да ладно тебе... Я никогда не лез ни в какие наставники, тем более к тебе, — стал оправдываться смущённый Витька. — Просто быстрее хочется всё неприятное закончить, завершить учебный год и заняться твоими грибами от души. Интересно всё-таки, чёрт возьми, все строят развитой социализм, а мы вроде как про нэп вспомнили. А вдруг за нами со временем вся Расея тронется?! Пройдут годы, и свои дела заведут тысячи, а может, и миллионы наших сограждан. Как, например, в Югославии. Да и у нас в Прибалтике есть частные кафе, пекарни, парикмахерские, часовые мастерские, дантисты. А чем мы хуже? В одной стране живём!

Согласно кивнув, Лёшка поспешил на Новую линию — улицу, на которой жил одинокий Дива с козой, курами и небольшой пчелиной пасекой. Витька же стал проверять диктанты, написанные накануне восьмиклассниками, в том числе и Колей Макаровым. Писанина его поразила Витьку не столько количеством ошибок, сколько буквами и словами, которых искони в русском языке не наблюдалось.

Глава десятая
«Визит к Минотавру»

Минотавром Витька окрестил Макарова-старшего, а Алексей, зачитывающийся детективами Вайнеров, с этим легко согласился. Солнце ещё не село, но уже провесило по всему западу оранжевые лоскутья заката. «Интересно, — подумал Витька, — к чему это: к одной лишь ветреной погоде или ещё и к каким-то неприятностям?» С удивлением он понял вдруг, что в последнее время стал суеверным, чего прежде за ним никогда не водилось. Он глянул на часы и двинулся к двери. Алексей с Дивой сейчас наверняка делали то же самое, поскольку до избы Макарова от Дивинной расстояние примерно такое же, как и от Витькиной. Витька удобнее перехватил крокодиловый дипломат, в котором, помимо Колиных тетрадок с диктантом и сочинением по «Герою нашего времени», лежал и классный журнал с итоговыми двойками как минимум по пяти предметам. И эту «тяжёлую артиллерию» он должен был предъявить отцу Николая — Ивану Николаевичу Макарову, ражему сорокалетнему межаку, дважды отбывавшему срок по статье 206 часть 2 Уголовного кодекса РСФСР — «хулиганство в общественном месте». «Как бы он, однако, после встречи со мной по 102-й («мокрая» статья!) не сел! — с горькой самоиронией проговорил себе под нос Витька. — Небось, не сядет. Я ему такой возможности просто не дам!» — и он прогнал по всему телу упругую волну мышечной судороги.

Ровно через двадцать минут классный руководитель восьмого класса Межевской десятилетки Виктор Сергеевич Реми дёрнул за шнурок механического колокольчика, который торчал над металлической дверью в палисадник. В ответ раздался глухой угрожающий рык Байкала, а затем и недовольное ворчание самого хозяина, который то ли спал перед этим, то ли ел, то ли пил, то ли занимался сразу всем этим параллельно, что для межевских мужиков было делом вполне обычным, можно даже сказать — характерным.

— Кого там нечистая на ночь глядя несёт? — раздался недовольный голос из-за забора.

— Да полноте, Иван Николаевич, какая ночь, право? — попробовал разрядить ситуацию Витька. — Времени и восьми ещё нет. У меня даже и

корова не доена. У вас, думаю, тоже. Мы с вами, однако, виделись после третьей четверти, разговаривали об успехах Николая. К сожалению, вынужден вновь к вам обратиться — во избежание необратимых последствий. Короче, если мы с вами сейчас не найдём общего языка, то боюсь, что ваш Коля может восьмилетки и не закончить... в этом году. Так что сажайте вашего Байкала на цепь, открывайте калитку и давайте договариваться. Иного выхода я не вижу.

После этого лягнула щеколда, дверь слегка приоткрылась. В узком проёме появилось опухшее небритое лицо свекольного цвета. «А Макар, кажется, в запое», — тут же мелькнула мысль в Витькиной голове, и он понял, что разговор будет нелёгким: Макаров-старший и так был тяжким тугодумом, а с большого похмелья он, вероятно, мог оказаться тяжким тугодумом в кубе, а что это такое, Витька даже и вообразить не пытался.

Тем не менее щетинистый подбородок Макарова дрогнул, и Витька услышал глухой с подкашливанием голос:

— Проходи, что ли, на кухню, учитель. Тока я чо-то запоматывал, как тия зовут.

— Спасибо, Иван Николаевич, у меня у самого куча дел, поэтому я ненадолго, — проговорил, протискиваясь между металлическим стояком и одетым в грязноватый рабочий халат Макаровым, Витька. Дойдя по битому кирпичу дорожки до высокого деревянного крыльца, Витька остановился и принял выжидательную позу.

Но Макаров к нему подходить не стал, а загнав собаку в конуру, кивнул Витьке на аккуратный столик под только что распустившейся яблоней:

— Давай здесь побеседоуем, а то в избе чичас душно, и жёнка там чего-то кошеварит. Не станем глупой бабе мешать, и она нам — тож.

— Хозяин — барин, — констатировал Витька и стал решительно расстёгивать портфель. — Да, совсем забыл. Зовут меня Виктор Сергеевич. Я преподаю вашему Николаю русский с литературой, но у него двойки сразу по пяти предметам, хоть я и просил предметников, как его классный, быть к нему снисходительней. Ну, говорил, что он всё равно в девятый не пойдёт, а либо в техникум, либо в училище.

— А с чёго это ты взял, шо не пойдёт? — с вызовом спросил Макаров-старший и зло заиграл небритыми желваками, которые, как ни стран-

но, рельефно выступили из-под мясистых щёк.

Витька едва не встрепенулся, но, вовремя сдержав себя, почти равнодушным голосом отвечал:

— Это не я решаю, а школьный педсовет, директор с завучем в том числе. Но сейчас речь не об этом. Главное, чтоб вашего сына к выпускным экзаменам допустили, и по русскому языку тоже. А у него в последнем диктанте больше тридцати ошибок! Причём грубых, практически на все основные правила родного языка. То, что он знаков препинания вообще не ставит, — это цветочки, а ягодки — это «жи-ши» с буквой «ы», множественное число от слово «овца» у него — «овцята», а «Лермонтова замочил Дантес»...

— А кто его в натуре замочил? — с неожиданно вспыхнувшим интересом спросил Макаров.

— Да был там один майор на Кавказе, — с знанием дела сказал Витька. — Вот тебя Макаром кличут, а его — Мартыном. И вот он на дуэли, после того как Лермонтов выстрелил в воздух, подошёл к нему почти вплотную и... замочил из своего «макарова»... Извини, Иван Николаевич, из «лепажа», конечно.

— Так это же не по понятиям! — не на шутку возбудился Макаров. — От беспредельщик, блин!

— Не то слово! — согласился Витька. — Он ещё и стукач притом! А ведь Лермонтову и двадцати семи не было. И я это всё твоему Кольке вдалбливал, а он почему-то так ничего и не услышал. Может, какое слово заветное подскажешь, шифр к его мозгам?

— Слово? — Макаров достал из кармана мятых штанов огромный сбитый на костяшках кулак и, глядя на него, словно на некий посторонний предмет, проговорил угрюмо и зло: — Вот он, шифр. Другого, извини, не подобрал.

— Я учитель. Мне такой шифр не годится, — виновато пожал плечами Витька. — Меня за такие шифры сразу с работы попрут, а то и закроют.

После этого признания Макаров глянул на Витьку как будто даже с уважением.

— Ладно, давай начистоту? — предложил вдруг Витька, ощутив при этом где-то под ложечкой неприятную сосущую пустоту. — До экзаменов осталось не больше месяца. Николаю за это время самому наверстать упущенное не успеть. Это факт. Ну, по русскому я его где-то поднатаскаю, на что-то глаза закрою. Но есть ещё математика, по которой тоже экзамен, а также биология, хи-

мия и даже физкультура. Он либо вообще на уроки не ходил, либо не приносил формы. Но я возьму на себя и физкультуру, и химию с биологией, но при одном условии...

Макаров-старший затаил дыхание и придвинул к Витьке свой мясистый с крупной бородавкой нос:

— Чо, денег тее, што ли, дать, учитель? — спросил он без тени смущения. — Дык у меня нонче в кубышке рублёв полтораستا, не больше. Вишь, я тут забухал, месяц почитай не работал... Но ежли помогёшь, то за мной и потом не заржавеет. Скоко? Я потом доплачу.

— Ты вот что, Иван Николаевич, выслушай меня спокойно, — отвечал Витька напряжённым, вкрадчивым шёпотом. — Не спорь, не злись и не дёргайся, а наматывай на ус и думай. Тут у меня прошлой ночью в грибном цеху гости были. Проломили стену, залезли внутрь, всё там побили, в котёл варочный насрали и оставили записку с угрозами и подписью «Макар». Мы очень быстро с напарником моим допёрли, кто у нас ночью гостил... с собакой. — Витька указал Макарову на собачью будку. — Мы и лапы собачьи сняли, и отпечатки человечьи, которые там повсюду оставлены. А дактилоскопией мой напарник увлекался ещё в студенческую пору. Зря ты, Макар, в это дело пацана своего вовлекал! Статья за это неприятная светит. Тихо, тихо, — осадил Витька встрепенувшегося родителя. — Я ж тебя просил, не дёргайся, а думай. Короче, ты забываешь про нас начисто, как будто нас в Меже нет, понял? А я забываю про Дасмаева и вытягиваю твоего Кольку... за уши из этой задницы, в которую он из-за твоего попустительства и запойности залез. Всё, как видишь, по понятиям. Ну, что скажешь, Иван Николаевич? Поедем к Дасмаеву?

— Да, ... у него делать? Ладно, согласен я на уговор, — полушёпотом прохрипел Макаров. — Может, по стакану, а то, блин, колотун опять привязался.

— Можно и по два, — согласился Витька, — только ответь мне на один вопрос.

— Давай сыпь, учитель, — отвечал, доставая бутылку и стаканы, Макаров. — Ежли смогу, отвечу.

— Скажи уж честно, что ежли захочу! — поправил Макарова Витька. — Слушай, Иван Николаевич, где это мой приехавший из Усольска друг Алексей тебе дорогу перешёл? Чем тебе наш

грибной завод мешает, ведь ты вроде не грибник и не партийный деятель, которому любая частная инициатива что кость в горле? Ломали-ломали мы с Лёхой головы — так ни до чего и не допёрли!

— А ты спроси у своего кореша, помнит ли он, чем его дед-покойничек в двадцатые-тридцатые годы занимался? — зло усмехнулся Макар. — А я тебе скажу. Соломиным его звали, Алексеем Пальчем. А возглавлял он уездную комиссию по раскулачиванию. Многих межаков он тогда отправил туда, куда Макар телят не гонял. А в числе прочих — мово деда Николая, бабу Агриппину и почти всех их сопливых детишек. Мамку мою годовалую пожалели, в сельской коммуне оставили, а остальные все так и сгнули на северах. Говорят, с голоду, на лесоповале. А может, и пристрелили. А ведь дедушка мой богатеем-то не был, не нанимал никого, разве что в сенокос ему соседи помогали, так он им потом молоком и творогом за труды их возмещал. Вот за это его почитай и убили вместе с семьёй. А этот Соломин потом в нашем доме своих дармоедов разместил, и они туды отъятые у межаков имущество свозили. Частью его присваивали, а частью в район отправляли на подводах. Потом, когда всех до конца ограбили, году в тридцать третьем, Соломин сам в этом доме поселился и жил в нём до самой войны, на которой его и убили. Жена же его с детьми, поскоку их все межаки ненавидели, убралась от греха в район. А в опустевший дом этот после войны пустили мою мамку с женихом, который в здешнем колхозе всю технику до ума доводил. Я его, дом этот, — Макар кивнул назад, на свою обширную избу, — лет десять назад перебрал да баню к нему пристроил. Вот живу топеря, деда свово поминаю и этого Соломина-суку тоже.

— Что бы там ни было, Иван Николаевич, — поднял свой стакан Витька, — время всё очень сильно изменило. И теперь внук этого безжалостного коллективиста Соломина стал единственным на всю Межу индивидуалом. Да и деда-то своего он никогда не видел! Подумай, Макаров, а может, это сама жизнь так устроила?

— Как так? — спросил, занюхивая выпивку куском чёрного хлеба, Макаров.

— А вот так! — почти выкрикнул Витька. — Лёшка, может, взялся нынче все дедовские грехи искупить. Ведь куда легче было ему остаться в Усольске, где его и директором тамошней

ремстанции звали, и в райисполком приглашали на хорошую должность, и заведующим в райпо он мог пойти. А он приехал сюда, в Межу, чтобы принимать у межаков грибы, делать из них качественный продукт и отправлять его на районный рынок, как некогда его дед-экспроприатор отправлял награбленное у межаков имущество.

— Грибной делектор, значит! — то ли с иронией, то ли с одобрением констатировал Макаров. — Ну-ну! Тогдашки поглядим...

— Погляди, Иван Николаевич, а главное — сына настрой на учёбу! Он не тупой, а просто не хочет. Ну, как маститых воров за колючкой не заставить работать, так и его в стенах школы никто не может заставить учиться. Но ведь здесь не зона, верно? И он пока что в воровстве не замечен. — Витька сделал серьёзное лицо. — Только без рукоприкладства, ладно?

— Обещаю, Виктор Сергеич, без рукоприкладства. — И с этими словами мужики, по-дружески чокнувшись, выпили по второй.

Когда Витька вышел на улицу, было уже темно. Алексей с Дивой по-прежнему сидели под ветлой, напротив макаровского дома, и при Витькином появлении спешно поднялись. За спиной нерешительно тявкнул Байкал, но тут же умолк, словно его выключили, как надоевшее радио.

Глава одиннадцатая Грибная экскурсия

Лето минуло как один день. Проснувшись ещё тёплым сентябрьским утром, Витька, вдруг как будто о чём-то вспомнив, повинулся перед собой в том, что, договорившись с Макаром о паритете, проблему грибного завода в принципе не решил. Были и кроме Макара, как в Меже, так и в районе, у них, мягко говоря, недоброжелатели. Ведь не Макар же пытался законопатить Алексея на целину! И вовсе не Макар надоумил местную колдунью Онисью распространять на селе про них провокационные сведения. А недавно на классном часе худенькая дочка местного партийного активиста Оля Птенцова при всех спросила Витьку с непонятным ему вызовом:

— А зачем вы, Виктор Сергеевич, у себя капиталиста городского поселили? Говорят,

будто он получает денежки у американцев и с вами делится.

Сначала Витька опешил и никак не мог подобрать слов для правильного ответа, ибо на него в напряжённом ожидании смотрело сразу два десятка пар детских глаз. Через несколько минут глухого молчания кое-кто стал уже зло посмеиваться — дескать, все взрослые только о деньгах и пекутся, и ты, учитель, такой же, как все. Тогда Витька решительно кашлянул и медленно заговорил:

— Не скрою, Оля, твой вопрос поставил меня в некоторое затруднение. Нет, взрослым людям я бы ответил на него не мешкая. Но вы — мои ученики, и это совсем другое дело. Разумеется, никаких денег, тем более из Америки, мы не получаем. Во-первых, это практически невозможно, а во-вторых, не хотим попасть в тюрьму. Хотя если вдруг нам станут помогать районные или областные власти, мы будем им весьма благодарны. Может быть, через какое-то время, если наш заводик станет приносить какую-нибудь прибыль, а главное — станет популярным среди местного населения, нам и начнут помогать наши власти. Ведь, согласитесь, нет ничего дурного в том, что жители Межи, промышленяющие грибами, станут подрабатывать сдачей излишков этих самых грибов, которые здесь большей частью догнивают в лесу. Кроме того, если наш завод расширится, то некоторые жители Межи смогут найти у нас неплохую работу и перестанут мотаться каждое утро в район. Поэтому, друзья мои, не слушайте вы этих завистников, это обыкновенные наговоры...

— Виктор Сергеевич, а зачем и кому это надо? — спросил с камчатки серьёзный не по годам Сергей Лапшин.

— Что именно, Серёжа? — попытался уточнить Витька.

— Ну, эта клевета, это желание сделать вам плохо. Ведь кто-то хочет, чтобы в Меже ничего нового не возникало, а наоборот... зарастало крапивой и бурьяном.

Последние слова подросток выговорил почти с ненавистью. У Витьки даже сердце сжалось от этого вдруг нахлынувшего и на него межевского патриотизма.

— Сергей, я очень тронут твоим участием, твоей любовью к нашему с тобой селу, родине на-

шей! Спасибо тебе большое. — Витькины глаза увлажнились, а в голосе появились звенящие отзвуки. — Мне даже жить теперь станет намного спокойней... рядом с вами, ребята.

И тут он увидел, что все глаза, даже Коли Макарова, смотрят на него с нескрываемым обожанием. И он вдруг понял, что ни за что не уйдёт из этой сельской школы, что выбьет себе ещё кружок и факультатив и сделает из этих сельских детей лучших филологов района. В тот момент он ещё не знал, что именно так всё и получится. Что его дети выигрывают в десятом классе все областные олимпиады, что школу его сделают базовой школой района по преподаванию русского языка и литературы, что у него завяжутся тесные отношения с составителями учебников литературы из Москвы и Ленинграда и что почти каждый год его будут вызывать на самую мощную в стране кафедру литературы — ЛГПИ имени Герцена...

— А для того, чтобы укрепить наше с вами взаимопонимание, я предлагаю вам в субботу совершить классный поход за грибами с последующей коллективной варкой на нашем заводике, — сделал неожиданное для всех предложение Витька. — Сваренные грибы мы законсервируем в баночках, и все вы сможете угостить ими своих домашних. Если кто-то почему-либо не сможет, я не обижусь. Честно!

В классе тут же поднялся торжествующий гвалт, так что буквально через пару минут в дверь заглянула встревоженная директриса, но, увидев на лицах своих подопечных счастливые выражения, тут же прикрыла дверь.

За грибами собрались через день — в субботу. Витька договорился о зачёте грибного вояжа как сдвоенных уроков физкультуры и труда.

Собирались на краю Межи, неподалёку от грибного завода около восьми утра. Над полем стоял молочный туман, из которого доносился отступной благовест журавлей. Слушая его, девочки томно прикрывали глаза, а мальчики нарочито бодрились и метали свои столовые ножики в установленные на попа осинового «бабы». Последнее получалось у них скверно. Тогда примкнувший к походу Алексей попросил у них ножи и в считанные секунды ловко всадил их попеременно то в одно, то в другое бревно. После чего, как бы выразился нынешний юморист, «публика неистовствовала». Пока ждали опазды-

вающих сонь, Алексей успел кое-кого кое-чему научить и пообещал, что по возвращении охотно продолжит «метательные» занятия при условии согласия родителей.

К опушке шли парами: впереди Витька с Колей Макаровым, а с тылу — Алексей с серьёзным Лапшиным. Перед началом поиска Витька сделал вводную установку, на которой строго-настрого запретил, как он выразился, «отбиваться от стаи». Искать грибы — лишь в зоне прямой видимости, а через каждую пятиминутку «подавать голос», фиксируя своё местоположение. В результате лес уже через пять минут наполнился руладами ауканий, уханий и эханий. Через час все собрались возле приземистой обгорелой сосны на развилке лесного большака, от которого плохо проторенная дорога забирала резко вправо, к колхозному пчельнику.

— Если повернём к пчельнику, — сказал грибной директор, — то скоро выйдем на чёрные грузди. Многие знают, что собирать их нелегко, потому как они по самую шляпу в земле и листве. Но это достойный гриб. Если же продолжим идти по большаку, то попадём на осинник, где обитает красноголовик, которого видно издалека. Их, подосиновиков, собирать легче. Так куда?

После минутного перешёптывания было решено «ударить по груздю!» «Ударить» у ещё малоопытных межаков не получилось, но по десятку штук на брата они легко насобирали. Один Алексей набрал полкорзины, чем снискал себе окончательный авторитет у Витькиных подопечных. А вот сам классный собирал грибы неважно.

— Моё дело — смотреть, чтобы никто не потерялся, — оправдывался он. — И вообще, по лесу хожу не ради добычи, а ради удовольствия!

Но дети смотрели на своего классного с очевидной межевской иронией — дескать, пой, пташечка, пой! Когда к ногам приросли гири, Витька скомандовал привал и послал мальчишек за берестой и сухим валежником, а сам при участии Макарова-младшего стал готовить костровое место. Алексей в это время помогал девочкам сооружать походный стол. Обед прошёл весело и даже как-то слаженно, словно так было уже не единожды. И Витька вновь почувствовал, что он у себя дома, среди близких по привычкам и говору людей. Но когда добирали корзины подосиновиками, Витька, холодея, обнаружил, что в его

стае не хватает сразу двух девочек — подруг Маши и Даши. Все сразу подавленно замолчали и стали испуганно озираться. Быстро взяв себя в руки, Витька приказал остальным девочкам дожидаться возле большака, а мальчишек разбил по двое и приказал им, прочёсывая окрестный лес, как можно громче аукать. При этом одну группу возглавил он сам, а вторую — Алексей.

Маша и Даша были известными школьными болтушками и, похоже, Витькину вводную попросту пропустили мимо ушей. Девочек нашли примерно через полчаса: они сидели на огромном дубовом пенёчке и беззаботно чирикали. По выражению их лиц Витька сразу понял, что они даже и не догадывались, что их уже давно ищут. Поэтому он даже ругать их не стал, а лишь, позабыв об обезоруживающей детской невозмутимости, саркастически подумал вслух: «И это тоже мои родные люди с родными привычками...»

Глава двенадцатая Роковое мероприятие

Поскольку весь класс в маленьком помещении грибного заводика разместиться при всём желании никак не мог, большая часть ребят расселась на скамейках у входа, где было решено подготовить продукт к маринованию. Распорядился процессом Алексей. Поручив Витьке и девочкам сортировку грибов, сам он занялся с мальчишками розжигом печи, подготовкой специй и стерилизацией тары. Расставив перед собой несколько алюминиевых баков и таз для отходов, Витька попросил у одной из своих учениц корзинку с грибами и сделал всем приглашающий жест, вняв которому, девочки плотно обсели его со всех сторон, как бабочки холмик мокрого песка возле ручья. Ловко орудуя ножом, Витька показывал им, как надёжней и быстрее обрабатывать грибы для варева с последующей засолкой.

— Поворачиваете кисть левой руки ладонью вверх, — назидал он терпеливо, — а правой аккуратно опускаете в неё шляпку гриба. В таком положении легко подрезаете ножку, удаляя её грязную и червивую часть. Потом бережно скоблите ножку, а затем разрезаете гриб пополам. Зачем это нужно, Валечка? — хитро обращался Витька к «хорошистке» Вале Кожемяко, дочери заведую-

шего местной почтой («почтмейстера») Никиты Никитовича Кожемяко.

На что не по годам хозяйственная девочка с энтузиазмом отвечала:

— Чтобы проверить, нет ли где червяков или просто ходов разных грибных жучков.

— А если таковые имеются, можно гриб спасти? — продолжал свой экзамен Витька.

— Если гриб для себя, то не только можно, но и нужно, — по-взрослому рассуждала Валя. — А вот если для других...

— Для потребителей? — задавал уточняющий вопрос классный руководитель Реми.

— Ну, на продажу, — соглашалась «хорошистка» Кожемяко. — На продажу этого делать не стоит, потому что потребителю это может не понравиться.

— Молодец, Валечка! — с удовольствием хвалил Витька свою старательную ученицу, которая, кроме русского языка, по всем остальным предметам имела одни пятёрки. — Хотя замечу для всех, что небольшое количество грибных червей для нас не только не вредно, но даже и исключительно полезно. Не надо брезговать. Например, в китайской и малоазийской кухнях грибной червяк является исключительным деликатесом, лакомством, в общем. А недавно заблудившиеся в тайге советские геологи, оставшиеся без какой-либо провизии, выбирали в пищу исключительно червивые грибы, потому что в них намного больше белка. В конце концов, поэтому и выжили. Ну что, барышни, всем понятно?

В ответ раздалась лишь довольное щебетанье и восторженные возгласы.

— А теперь, — приказал Витька, — каждая из вас садится к тазу со своей корзиной, достаёт ножик и делает всё то, что мы вам с Валечкой показали.

Схватывали сельские девочки такие уроки быстро. Витька сразу заметил и понял, что домашних дел они не чурались и нож в руках держать умели. А в это время Лёшка показывал мальчишкам, как чистить чеснок, обваривать укроп, готовить перец и лавровый лист. Под его чутким руководством Коля Макаров и Матвей Сапронов отмеряли необходимые для приготовления маринада дозы соли и сахара, гвоздики и хрена. Когда вода стала закипать и началась закладка, заводик наполнился ароматами, от кото-

рых у большинства «готовщиков» потекли слюни. Заметив это, «грибной делектор» заставил двоих парней начистить картошки и также поставить её на плиту в крупном пузатом баке.

Когда всё было готово, часть грибов Лёшка закатывать не стал, а, принеся из дому несколько караваев ржаного хлеба и с дюжину глубоких чашек и тарелок, рассадил всю честную компанию вокруг врытых в землю уличных столов. Грибы раскладывали девочки, а Коля Макаров — варёную картошку. Хлеб нарезал сам «делектор», а Витька в это время ловил на «ВЭФе» нужную волну. Наконец над столом воспарила германовская «Надежда», и всем сразу стало грустно и светло. Грибы с хлебом и картошкой умяли за десять минут, а потом девочки вынесли медный самовар, который до этого Витька успел-таки раскопегарить хромовым сапогом. Над столами сладко запахло мятой и смородиновым листом. Не пожадничал Витька и на варенье, которое всё та же аккуратная Валечка разлила по небольшим глиняным плошкам. Варенье было вишнёвым, но, чтобы мальчишки не плевались, Витька достал из подпола особого — без косточек. Последние он самолично удалял перед варкой специальными приспособлениями, более всего похожими на шприцы.

По домам разбрелись детки неохотно, словно после первого в своей жизни школьного вечера. А впрочем, так оно и было. Первый свой совместный взрослый праздник Витькины подопечные провели в лесу и на грибном заводе. И, как оказалось, потом, по жизни, почти все они вспоминали об этом как о самом ярком событии своей ранней юности.

Вот только, как водится в русской провинции, не всем добрые, объединяющие людей, а тем паче детей дела пришлись по нраву. Уже на следующий день по Меже поползли слухи о том, что пришлый грибовар с местным учителем мало того что сами якшаются с капиталистами, так и деток неразумных за собой тянут. Сначала хитро притворились, что устраивают классный поход за грибами, а на деле загнали детей на свой завод и заставили работать на себя, капиталистов поганых. При этом распространителей подобных слухов совершенно не смущало то обстоятельство, что все собранные грибы восьмиклассники принесли своим родителям, только в учительс-

ких банках, в замаринованном виде. Сначала Витька хотел возмутиться и расспросить своих подопечных — дескать, кого и к чему они с Алексеем принуждали, но вскоре раздумал. «Пустое, — решил он, — только хуже будет. Наверняка просочится, что он учиняет в классе допросы, лезет во внутрисемейные дела. Просто кто-то из деток обижен на него за «несправедливые» отметки, за персональное невнимание, за... Да, в таком возрасте девочки уже и ревновать начинают, и бог знает, во что эта ревность в таком возрасте может вылиться...»

А слухи вскоре докатились и до района, куда Витьку и вызвали вместе с директрисой Анной Васильевной по кличке Вышка. Заведующий районного отдела народного образования Альбина Эдуардовна Кацнельсон встретила их надушенным молчанием, словно в Меже только что выявили «гнездо педофилов». Она так посмотрела на вошедших, что Витька неожиданно почувствовал себя развратителем малолетних. Вышку она пригласила сесть, а Витька так и остался стоять у края большого матерчатого стола сразу с тремя телефонами посерединке. «И куда этой мымре столько? — невольно подумал про себя Витька. — В районе школ-то — кот заплакал, все в город своих деток правдами-неправдами отправляют, а эти делают вид, что они вообще кому-то здесь нужны... паразиты!» Стоя перед Кацнельсон, словно нашкодивший школьник перед завучем по воспитанию, Витька начинал свирепеть.

— Товарищ Реми? — с показным равнодушием, подслеповато глянув себе в блокнот, спросила районная начальница образования.

— Может, всё-таки сесть предложите, товарищ Кальсон? — со злой иронией отвечал вопросом на вопрос всё более холодеющий от собственной решительности Витька.

Начальница вмиг стала блее бумагой и взыскующе посмотрела на Вышку. Та, тут же встрепенувшись, дёрнула Витьку за руку и заискивающе стала тараторить в сторону заведующей:

— Альбина Эдуардовна, Альбина Эдуардовна, Аль...довна... — и вся пошла малиновыми пятнами.

Не дождавшись ничего путного ни от той, ни от другой, Витька самолично приставил к сто-

лу венский стул и вперился прямо в выпуклые коровьи глаза Кацнельсон, отчётливо понимая, что с этого момента дни его межевского учительствования сочтены.

Глава тринадцатая Проверка на заводе

Но, как ни странно, шли дни и недели, а Витьку никто не трогал. Он вдохновенно готовился к урокам, проверял тетради, а главное — едва ли не каждый вечер принимал у себя своих вдруг накрепко привязавшихся к нему восьмиклассников. Точнее будет сказать, они с Алексеем принимали, поскольку подростки приходили поработать на заводике, похлопотать возле печки, покопаться в приправах, поработать закруткой. А тут ещё на одной из дальних опушек Витька с Колей Макаровым набрели на заросли одичавшей китайки, которую хитромудрый Лёшка стремглав решил переработать на яблочный джем. Теперь тесное помещение заводика наполнилось сладким вкусом печёных яблок, которые Лёшке помогали обрабатывать добровольцы из восьмого класса. Витька с Валечкой поили всех чаем с булкой и подносили, и подносили всё новые банки и крышки.

— Сначала заливаем медный таз ключевой водой, — показывал Лёшка технологию варки, — потом растворяем в ней сахар из расчёта кило сахара на кило китайки. Можно, конечно, класть сахара и поменьше, но тогда будет не так вкусно, и не варенье у нас получится, а скорее джем или даже конфитюр.

Витька в это время дорезал с девочками китайские яблочки, лишая их занозистой сердцевины. Уже после первой варки «волонтёры» от получившегося варенья были в полном отпаде!

— Дядя Лёша, — дегустируя продукт, рассуждала всё та же Валечка, — вот моя мама тоже неплохо варит варенье, причём не из дичков каких-то, а из крупнейшего белого налива. Но ваше-то вкуснее будет. В нём каждое яблочко — отдельный золотистый шарик. И кожица на нём сохранилась, а у мамы — сплошная яблочная масса. Почти повидло. Почему?

— Видишь ли, Валь, я не знаком с твоей мамой, — пытался быть объективным грибо-яблочный

директор. — Мне вот так сразу трудно судить, но предположу, что варит она скорее по обязанности, ради заготовок на зиму. Видимо, она занята ещё много чем, а потому спешит, не шибко вникая в процессы. Я же вкладываю в процесс всего себя, то есть чаще мешаю, кое-чего добавляю для прозрачности — например, вишнёвого листа, ореха, корицы там или имбиря. Это и кое-что ещё делает варенье пикантным, своеобразным, что ли. Ну и главное — не жалею сахара!

— Ужасно вкусно! — согласилась с Валей Маша Зорина, жившая в Меже с бабушкой и бабушкой. — А мои вообще из яблок не варят, не хотят сахар переводить. Говорят, что раз земляники и вишни полно, то из яблок варить просто глупо. А ваше яблочное, Алексей, — (Маша очень рано сформировалась и позволяла себе называть Витькиного друга по имени) — вкуснее их вишнего во сто раз! — сделал комплимент, она, однако, сильно засмушалась и покраснела до кончиков волос.

Когда все китайки были полностью ошипаны и благополучно переработаны в варенье, на завод нагрянул участковый Дасмаев с каким-то побитым молю сержантом. В аккурат в это время Коля Макаров с Валечкой помогали Витьке дегустировать пробную партию, сваренную Алексеем из черноплодки. Глянув на сосредоточенно причмокивающих деток через хитро-преднамеренный прищур своих пронзительных капитанских глаз, Дасмаев заговорил с Витькой так, словно несколько часов назад он отпустил его из СИЗО, но ошибся:

— А чем это они заняты, учитель? И вообще, почему у вас тут пахнет не то самогоном, не то каким-то вином самодельным? Детей спаиваете, господка капиталисты?

— А то! — утвердительно тряхнул головой Витька. — Пьяных легче вовлечь в тёмные буржуазные дела. Мы эту методику у Саввы Морозова и иных кровососов переняли. Споишь человека — и делай с ним что хочешь! А с детками ещё проще. Да к тому же я учитель, классный руководитель, веду основные предметы, а восьмой класс, между прочим, выпускной. Ну как не воспользоваться своим служебным положением? Вы что, капитан, просто так стоите? Записывайте, ведь это ещё одна статья УК. А при желании можно вспомнить и старое доб-

рое прошлое — «антисоветскую пропаганду», многообразную 58-ю: раз мы капиталисты — значит, как минимум антисоветчики.

— Шутить изволите, Виктор Сергеевич? — набычившись, недовольно проговорил Дасмаев. — Я ведь что? Поступил сигнал из Межи — дескать, местный учитель с каким-то приезжим организовали грибоварочное производство и эксплуатируют ради своей прибыли учеников местной школы. Вот пришли проверить... согласно своим должностным обязанностям. Ничего личного!

— Ну, слава богу, что ничего личного. Валяйте — проверяйте, — разрешающе махнул рукой Витька. — Вот котлы, вот бак-сковорода для варенья, вот готовая продукция, от которой вином пахнет, а вот сами эксплуатируемые, — Витька указал на Колю, Валечку и ещё одного паренька и двух девушек. — Можете с ними пообщаться. Чтобы не мешать вам, я пока выйду и минуток через пятнадцать приведу сюда этого приезжего, который, к слову сказать, на самом деле из местных, просто давно живёт в Усольске. Остался там по распределению после института.

Дасмаев нерешительно двинулся к печке, а Витька, решительно отодвинув от прохода невыразительного сержанта, зашагал к избе.

Ровно через четверть часа они с Лёшкой подошли к заводу. Из-за плотно прикрытой двери не доносилось ни звука, разве что эфирный шорох Витькиного «ВЭФа». Осторожно приоткрыв входную дверь, они увидели рассеявшихся за столом детей, которые беззаботно и с видимым аппетитом поглощали булку с вареньем, запивая её поднятым из-под стола молоком.

— От-т молодцы-то какие! — с чувством похвалил ребятню ожидавший чего угодно, но только не этого, не на шутку встревожившийся «грибной делехтор».

— А эти... проверяющие где? — выразил полное недоумение Витька.

— Дык свинтили, — насмешливым тоном проговорил Коля.

— Почти сразу, как только вы, Виктор Сергеевич, ушли, они понюхали варенье, заглянули в баки, этот Дасмаев спросил — «нет ли жалоб?».

— Ну а вы? — спросил в свою очередь Алексей.
— А мы сказали, что у нас есть не жалобы, а просьба, — отвечала Валечка. — Просьба — найти

этих гадов, которые на нашего классного клеветают. Вот их пусть накажут... по статье «за клевету». Дасмаев сказал: «Хор-рошо», — и они ушли.

Глава четырнадцатая Пропасть углубляется

— С одной стороны, мне весьма приятно видеть и чувствовать, как мои восьмиклассники нас с тобой уважают и любят, — рассуждал за вечерним чаем Витька...

— Но с другой, — продолжал начатую другом мысль Алексей, — меня тревожит, что на фоне такого к нам отношения межевских деток явно портится отношение к нам их родителей.

— Думаешь, ревность? — спросил с надеждой в голосе Витька.

— Если бы только! — с сожалением восклицал Алексей. — Если бы только... Ревность — это нормально, это вполне здоровая родительская реакция на симпатии их чад ко всем прочим, даже к одноклассникам, друзьям-приятелям, учителям и, конечно же, к чужим дяденькам, образ жизни которых к тому же невнятен, а то и вовсе вызывает неприязнь. И вот это уже не ревность.

— Увы, даже капитан Дасмаев, — соглашался Витька, — по моим данным, офицер весьма продвинутый, предки которого верой и правдой служили царю и отчеству, и тот назвал нас капиталистами. В русском мире не было и нет ничего сильнее и безжалостней большевистской пропаганды. И чем прочнее увязаем мы в большевистских догмах и сталинских атавизмах, а точнее будет сказать — в навозе, в перегное, который они по себе оставили, тем эта пропаганда изощрённей и циничней. Именно циничней, поскольку сами наши главные коммунисты давным-давно молятся совершенно иным богам. Живут в особых микрорайонах, закупаются в спецраспределителях и на базах, учатся и защищаются в специальных академиях, где во время учёбы получают полную зарплату, а не хилую аспирантскую стипендию. Полагаю, помнишь из курса «Истории КПСС», как Ленин в целом ряде своих призывов к революции назойливо повторял о «кричащих противоречиях» и огромной пропасти, которая образовалась между народом и властью. Власть в результате поме-

нялась, но пропасть, по-моему, стала ещё глубже. Это видно даже по одежде, в которой ходят советские и партийные работники и все их многочисленные родственники, водители, дантисты, судьи, завскладами и прочая обслуга. Да и холодильники у них набиты совсем иными продуктами, чем у наших с тобой мам.

— О чём ты говоришь, Витюша?! — воскликнул Алексей. — У наших мам холодильники большую часть времени вообще пусты. Ну, ненадолго там воцаряется какой-нибудь синий цыплёнок или упаковка котлет из перемолотого ливера, а то и костной муки — и всё. В нашем сельском магазине хлеба-то вон дают по полбуханки на брата, и за ней ещё постоять надо, поскольку может и не достаться. Нашу сушу омывают десятки морей и океанов, но куда девается вся вылавливаемая в них рыба, понять совершенно невозможно...

— Куда-куда? — скептически улыбнулся Витька. — Пролетариям всех стран, чтобы, значит, не отшатнулись в сторону загнивающих капиталистов. Знаешь, мой однокашник Сёма Проектор свинтил после вуза в Израиль, а потом переехал оттуда жить в Австрию. Однажды прислал мне длинное письмо с описанием их, так сказать, действительности. Так вот нет у них там никакой пропасти. Напротив, в отличие от нас, основная масса живёт примерно одинаково, то есть равно хорошо. Нет там никакого дефицита, перекусывают они в недорогих кафе, одеваются на свой вкус, а не в то, что удалось достать по случаю, и даже в армии служат по желанию, призванию, а не из-за угрозы быть посаженным за дезертирство. И приоритетом у их правительств, между прочим, является не построение какого-нибудь там развитого капитализма, постиндустриального общества или иной какой абракадабры, как у нас, а качество жизни простых граждан. За это они прежде всего и голосуют.

— Я понимаю, Вить, — печально согласился Алексей. — А всё остальное прикладывается. Нам ведь тоже правильно говорили и в школе, и в вузе: про материю и сознание, про базис и надстройку...

— А кто говорил-то, Лёша? — допивая четвёртую чашку чая, риторически спрашивал Витька. — Выпускники партийных школ и общественно-политических академий. То есть опять-таки люди обслуги, «промыватели мозгов». Я с одним из та-

ких однажды стал спорить, так он вместо доводов стал мне антисоветчину шить и КГБ угрожать.

— За что, блин? — с негодованием воскликнул Алексей.

— За что?.. — спросил как будто даже самого себя Витька. — А за то, что я, не согласившись, сказал, что это сначала, в детстве и юности, материя первична и бытие определяет сознание. А потом в этом мире всё происходит совсем напротив: сознание начинает определять бытие. И чем дальше — тем сильнее. Самый красноречивый пример — пустые лавки в советских магазинах! Что является прямым следствием коммунистического сознания наших руководителей.

— Витюша, ты бы осторожнее как-то, — участливо попросил Алексей. — Ну их к ляду! Им ведь всё равно бесполезно что-то доказывать. Всё предельно просто: они за свой цинизм получают доступ к кормушке. Как говорится, к материи, а всё сознание оставляют таким, как мы с тобой. А если мы что-то не так сознаём, то появляется КГБ.

— Да, — недовольно согласился Витька, — механизм отработан. Примитивно, но надёжно. Вряд ли местные партийные чинуши придумают что-либо новое, оригинальное... Мне Сикин пару дней назад сказал в очереди за хлебом, что парторг Макарыч уже на наш счёт местную партийную ячейку собирал.

— Сикин? Странная фамилия, если не сказать забавная... — саркастически улыбнулся Алексей.

— Это не фамилия, а прозвище, — возразил Витька. — Мы вместе учились и катались по пруду на коньках и финках. Финки — это такие гнутые из металлической трубки сани: на нижних трубках стоишь, а за верхние держишься руками. Очень удобно гоняться по льду! Так вот этот Сикин, тогда ещё просто Колов, захотел посикать и во время этого, так сказать, процесса прислонился к стальной трубке (мороз стоял злощий!). Ну и прилип. Короче, потом пришлось ему это дело зашивать. С тех пор он стал Сикиным. До сих пор, памятуя, что я всё это дело лицезрел, он всякий раз, преданно глядя в глаза, сообщает все межевские новости.

— И о чём они там гугарили? — с неподдельным интересом спросил Алексей.

— Знамо про что! — зло отвечал Витька. — Про ростки враждебной всему советскому буржуазности. Про хищническую сущность,

про незаконное обогащение, про недобитых нэпманов, про установки ЦК...

— Ну, это они зря, — ехидно проговорил Алексей. — На последнем съезде, наоборот, призывали к крестьянской инициативе на селе, в том числе и по переработке даров сада, огорода и леса, конечно. Брежнев прямо так и бухнул: «У советского человека должно быть на столе всё». Интересно, откуда же этому всему взяться, если разные лишённые аппетита язвенники (Макарыч несколько раз лежал с язвой в областной больнице) станут таким, как мы с тобой, палки в колёса ставить? Слушай, а давай напишем на него «телегу» в район: так, мол, и так, секретарь межевской партийной первичной организации Кузьма Макарыч Топыкобыла в зародыше душил экономическую инициативу местных комсомольцев, воспринявших задачи съезда партии как руководство к действию. Ну, и далее в таком же ключе. Левацкие замашки налицо! Дескать, партия нас учит, что газы от нагревания расширяются, а Макарыч, ревизионист, с этим не согласен: мало того что сам ничего не делает, он ещё и другим не даёт!

— Слушай, Лёха, ты мне про эти газы давай завязывай, а то нам так наваляют, что сами на газы изойдём! — впрочем, долго сохранять серьёзное лицо у Витьки не получилось, и они на пару зашлись громким безудержным хохотом, который мог свидетельствовать, что всерьёз они в «большевицкую» угрозу не верили. А зря...

Глава пятнадцатая Большевицкая угроза

Несмотря на то что ко сну отходили в весёлом расположении духа, ночь началась на редкость беспокойно. Сначала тревожно замычала на дворе Дочка и всполошились куры. Витька, не забыв прихватить ружьё, пулей вылетел из избы и успел заметить метнувшиеся от заднего двора тени.

— Волки! — в изумлении заорал он и хлестнул в темень сразу из двух стволов.

Эхо стремглав полетело к сумрачной иссиня-чёрной опушке и через несколько секунд удесятерённо вернулось назад. Следом, ворча и рассе-

янно протирая глаза, зашлёпал босыми ступнями в сенцах Алексей:

— Какие ещё летом могут быть волки? — недовольно спросил он друга. — Им сейчас и в лесу сытно живётся. Они без нужды к людям не суются, не рискуют... Собаки, наверное?

— Не, собаки и ведут себя иначе, и выглядят по-другому, — убеждённо возразил Витька.

Лёшка только глянул на него и больше спорить не стал, а отправился на задний двор, где по-прежнему жалобно стенала Дочка.

— От-т суки! — зло ругался Алексей, натуго перевязывая задние коровьи ноги, из которых густо текла бурая липкая жижа. — Ну, явно натравили псов. Я этого твоего Улиткина...

— Лыткина, Лёша, — механически попытался поправить друга Витька.

— Это он раньше был Лыткиным, а теперь станет Улиткиным, Червяковым, Глистовым и ещё чёрт знает кем, но раздавить эту гадину надо было ой как давно!

Наконец корова успокоилась, а следом задышал размеренней и Алексей.

— Знаешь, Вить, я всё вспоминаю Фонвизина... Помнишь, у него там в этой... пьесе... не помню названия, да это и не важно, есть некий Простаков, который признаётся сестре, что любит свиней больше, чем людей. Ну, ясное дело, что нам это давали как социальную сатиру на власть предрержащих, как некое падение человека до свиного состояния. Враньё всё это! Животных, твою Дочку например, и в самом деле бывает жальче, чем иных людей. Того же Лыткина. Что, не так?

— Не знаю, но в одном ты прав, — согласился-таки с другом Витька. — Волки летом в село ни лапой! Значит...

— Значит, это всё-таки не волки, — продолжил Витькину мысль Алексей, — а собаки, только натасканные по-волчьи. Я об этом читал в книжке про царскую охоту.

— А в нашей Меже — собачников!.. Человек двадцать! — воскликнул Витька почти с гордостью. — Кого они только не держат! И овчаров, и гончих, и лаек, и сеттеров, и даже борзых. Я как-то был на их сборище на опушке возле лесничества. С их собаками, скажу тебе без преувеличения, впору в цирке выступать. Они, если хошь, тебе кого угодно изобразят: и лису, и енота, а уж волка-то... запросто.

— Тогда всё ясно, — заключил Алексей. — Думаю, что эти волки из той же оперы, что и незваные ночные посетители нашего заводика.

— Неужели Макаров не внял, не проникся? — нервно процедил сквозь зубы Витька. — Ведь по Колиному поведению этого не скажешь.

— Нет, Макаров тут ни при чём! — убеждённо заключил Алексей. — А вот здешние собачники из кого будут?

— Ну, самый известный из них Семён Ефимыч Гофман, бывший второй секретарь обкома КПСС, — как по-писаному отвечал Витька.

— Родом из Межи, вернулся сюда пару лет назад по выходе на пенсию. Со скандалом, говорят, уходил. Словом, приезжих не любит, считает их своими потенциальными недругами. Но, кажется, мы с ним нигде не пересекались и вряд ли он станет делать нам неприятности из одного лишь плохого отношения к приезжим. Всё-таки крупный партийный чиновник, хоть и бывший, не станет так мельчить.

— Согласен, — отвечал Алексей, по-прежнему над чем-то напряжённо раздумывая. — А с кем из собачников мы с тобой могли пересекаться, хотя бы косвенно, через третьих лиц?

— Практически и ни с кем, и сразу со всеми, — как о давно решённом сказал Витька. — Понимаешь, в Меже почему-то так сложилось, что почти все собачники являются членами партии. Наверное, это просто совпадение, но в нашем случае оно имеет в себе явные для нас последствия, поскольку мы своим капиталистическим начинанием волей-неволей бросили им всем вызов. Во всяком случае, они могут принять организацию нашего производства на свой счёт.

— Вить, но сейчас не тридцатые годы, — почти расстроено простонал Алексей. — Даже в Усольске хватает частных, а в области их в сто раз больше. И никого их давно не склоняют, не кантуют, даже наоборот — всячески их делу потворствуют, особенно если они работают на продуктовый рынок. Что, местные коммунисты Брежнева не слушали, нашего первого секретаря обкома Брусникина?

— Ты бы, Лёша, ещё про Тито с Ярузельским вспомнил! — возмущаясь таким очевидным непониманием межевских реалий, воскликнул Витька. — Да местные коммунисты и не коммунисты даже, а ретрограды, староверы, «тёмное

царство», блин... Они до сих пор одной ногой в тридцатых годах стоят. И если бы их тот киношный дедок спросил, как Чапаева, за кого они — за большевиков или за коммунистов? Они бы, уверен, ни секунды не сомневаясь, ответили, что, конечно, за большевиков, потому что в коммунистическом движении бездна разных уклонов.

— Но ведь время не стоит на месте, жизнь меняется, и идеология тоже, — разочарованно пытался возражать Алексей.

— Не, эти не меняются, — рассеял сомнения друга Витька. — Они хоть сейчас готовы «За Родину, за Сталина!», ты им только покажи, в какую сторону наступать. Застоялись они, Лёшка, затосковали по классовой борьбе, а тут в аккурат мы с тобой.

— По-моему, Витюша, ты ведёшь нашу мысль в правильном направлении, — горько вздохнув, согласно кивнул Алексей. — Но, если честно, от этого мне только хреновей стало. Бывший экз Макар — это одно, а вот ячейка местных большевиков-собачников — совсем другое. Эти привыкли к политическим битвам, к доносам под грифом «Не могу молчать!». Мой родной дед под эту сурдинку столько хорошего народу здесь перевёл, га! Забыть бы его однажды и навсегда, а не выходит, словно я имею к этому какое-то конкретное отношение.

— Я знаю, Лёша, — сказал вполголоса Витька. — Макар говорил, что он и его семью, то есть деда с бабкой и их детьми, на Север куда-то отправил. Одна мать уцелела, потому что совсем ребёнком была.

Наступила звенящая тишина, только где-то за лесом тяжёлый товарный состав силится преодолеть крутой горб земной поверхности, который делил огромную долину на русское и татарское пространства, сосуществующие здесь уже много веков подряд.

— Ладно, повспоминали и будя, — прервал неловкое молчание Алексей. — Значит, никого особо из собачников ты выделить не можешь? Ну, главного, от кого может исходить эта агрессия в отношении нас? Может, Топокобыла, блин?

— Нет, у этого кишка тонка. Он больше по части доносов, а псами травить не станет. Знаешь, есть среди них один, мутный такой, — по Витькиному лицу прошла судорога воспоминаний. — Да я уже говорил недавно. Как бишь его? Лыкин,

Лыков... А-а! Во, вспомнил! Лыткин! Он одно время даже их первичку возглавлял, ещё до Макарыча, но недолго. Куда-то там у него партийные взносы пропали, на него даже дело заводили, но потом как-то всё сразу замяли. Кстати, замяли после того, как дознавателя из района с проломленной головой за околицей нашли. И я кое от кого слышал, что это его рук дело, что он уже и раньше в «мокрухе» подозревался, только доказать ничего не смогли. Хитрый, блин...

— А у него не помнишь что за собака? — перебил Витьку Алексей.

— Слушай, а ведь у него как раз пара овчарок, сучка и кобель, — воскликнул почти обрадованно Витька. — Породистые! Он даже щенками от них торгует.

— Ну вот, а ты — «волки, волки!» — с интонацией человека, только что принявшего какое-то важное решение, заключил Алексей.

Глава шестнадцатая Под колпаком

Поскольку болтали до самых петухов, проснулись поздно и, вяло позавтракав, стали решать, как быть дальше. С одной стороны, можно было про этого Лыткина забыть и, пустив всё на самотёк, продолжать жить и работать, как прежде, полагаясь на русский «авось». С другой — можно этого Лыткина взять в разработку и, если удастся получить какую-либо конкретику, переправить её на всякий случай Дасмаеву. Он наверняка о прошлом этого большевика-мокрушника знает лучше их и во сне видит, как бы его закатать куда-нибудь подальше от Межи.

— Я так думаю, — стал рассуждать Витька, — надо делать своё дело, но с поправкой на фактор Лыткина. То есть быть настороже, варежку ни в коем случае не разевать и чуть что — «в ружьё!».

— Согласен, — одобрительно кивнул Алексей. — Но понаблюдать на первых порах за ним надо, потому как, возможно, действует он не один. Установим контакты — обезопасим себя.

— Идёт, брат.

Витька тепло пожал другу руку, взял ведро и отправился к колодцу «за холодненькой». Но когда стал выворачивать громко захлебнувшуюся в тёмном колодезном зеве бадью, всей спиной

почувствовал на себе чей-то пристальный неприязненный взгляд. Он резко повернулся, но лужайка за спиной была, как и прежде, пуста, только в дальнем проулке, из-за Дивиной изгороди, несколько раз переливчато блеснуло то ли какое-то зеркальце, то ли стёкла проезжей машины. Внимательно приглядевшись, он понял, что никакой машины по пыльному большаку не проезжало, а вот за забором кто-то, вне сомнения, копошился в траве. Он демонстративно приложил раскрытую ладонь ко лбу, и этот кто-то тут же принялся улепётывать к дороге, ещё несколько раз блеснув «зеркальцем». «Бинокль, — сказал вслух Витька. — Стало быть, нас уже пасут!» Однако, против Витькиных ожиданий, Алексея сообщение про бинокль совсем не расстроило и даже не особо заинтересовало.

— Витюша, да почти все они были на фронте, — резонно рассудил Алексей. — У них этих биноклей как грязи! Вот и присматриваются издали, чтобы, значит, подозрений не вызывать. Но теперь, раз ты засёк их за этим делом, станут осторожней.

— Лёша, я очень даже ценю твоё спокойствие, — с некоторой обидой в голосе проговорил Витька, — только ведь Дочку мою могли и до смерти эти волкодавы порвать. А сегодня, вишь, секут за нами. Неужели ты не чувствуешь, что всё это может кончиться для нас очень и очень дурно?! Заметь, люди, главным образом пришлые, здесь уже пропадали, и не раз!

— Но ты-то ведь здешний, — не унимался Алексей. — А я, знаешь, решил через недельку в область прогуляться, друганов навестить, кое-чего нам для дела присмотреть. Глядишь, за это время всё и рассосётся как-нибудь...

— Не рассосётся, Лёш, — печально отрицал Витька, — потому как эти собачники — самая активная в районе партячейка, и её поддерживает сам первый секретарь района, который у нашего Гофмана много лет в подчинённых ходил.

— Ах вон оно что! — расстроившись, протянул Алексей. — Тогда, конечно, придётся нам несладко. Впрочем, есть в этом и положительная сторона.

— Ума не приложу — какая? — изобразив всей своей фигурой абсурдность Лёшкиного предположения, проговорил Витька.

— А дело, брат, в том, — наставительно начал

Алексей, — что любое покровительство свыше обязывает покровительствуемых вести себя должным образом. Спрашивается, могут ли в такой ситуации Лыткин и его большевички пойти на экстренные меры, — например, на физическую расправу? Сомневаюсь. Почему? Потому что могут подставить тем самым самого первого секретаря. Мы ведь в селе с тобой живём, где все всех каждое мгновение видят и слышат. Диву вон как-то возле бани припёрло, ну он присел на пару минут. И вроде, говорит, пусто кругом было, ни души, а на следующий день уже вся Межа его за этот поступок осуждала. Так он был готов сквозь землю провалиться! А тут расправа над учителем! Не, не пойдут они на такое! Это, думаю, всё больше пугалки... с теми же собаками. Выдавливают они меня из Межи, как пить дать выдавливают. Если я съеду, от тебя сразу отстанут. Факт.

— Ты мне это, Лёха, брось! — на Витькиных глазах блеснули слёзы обиды и возмущения. — Съедет он. Да они только этого и добиваются, чтобы в Меже шишку держать и чтобы все межаки жили как все, то есть по их грёбаным заповедям. Ты мне что про своего деда давеча буровил? Что забыть его хочешь как кошмар прошлого. А отчего-то не получается? И не получится никогда, если съедешь. Так и будет эта заноза у тебя под сердцем саднить, если сдашься сейчас.

Витька отчаянно грохнул кулачищем по новой сосновой табуретке с выступившей по краям живицей и вышел вон. Постояв ещё секунд десять-пятнадцать, табуретка развалилась... сразу на три стороны. А в это время за Дивиным забором вновь обозначился блеск окуляров. Витька взял двустволку, вышел на лужайку перед домом и демонстративно прицелился в забор. Там кто-то заблажил дурью, замахал руками и, рухнув на четвереньки, по-собачьи пополз к дороге. И тут учителю литературы вдруг привиделся густой молочный туман британских болот и страшный собачий вой за распадками. «Нет, — подумал он в полной уверенности, — сами они, Лыткин тот же, с нами светиться не станут. А зачем, если есть натасканные собаки? И какая разница — чьи они: Баскервилей или Лыткина? Да и люди здесь уже пропадали приезжие. И никто — ни сыскари из милиции, ни следователи прокурорские — никого и ничего не нашёл! Это уже почерк, так сказать, действия по отработанной схеме из удачно-

го уголовного опыта». Но делиться этой догадкой с Алексеем Витька пока не решился.

Глава семнадцатая Собаки Лыткина

— Слышь, Лёшь, — улыбочиво обратился Витька к другу, — я смотрю, ты по вечерам разную муру газетную читаешь. А у меня, между прочим, целая серия про Шерлока Холмса на стеллаже парится. Вон самая жуткая вещь с краю стоит...

— «Собака Баскервилей», что ли? — прищурившись на ближнюю полку, стал уточнять Алексей.

— Она, — со значением согласился Витька. — Что, скажешь, детектив — и только?

— Нет, не скажу, — серьёзно ответил Алексей. — Только я его, по-моему, читал... в годы моей далёкой юности.

— О-о-о, Печорин нашёлся, — стал подкалывать приятеля Витька. — Душевный калека, досрочный старик! Почитай как-нибудь между делом, а то ведь рехнёшься в этих своих грибных испарениях. Да и для дела может пригодиться, — и Витька уже серьёзно глянул прямо в зелёные Алексеёвы глаза.

— Ты собаку эту страшную имеешь в виду? — с ходу догадался тот.

— Молодец, — снисходительно похвалил учитель литературы своего «технического» друга. — Быстро допёр! Только не собаку, а собак. У Лыткина их как минимум две. Да, кроме овчарок, говорят, у него ещё какой-то волкодав под избой живёт. Днём носу на волю не кажется, а по ночам прогуливает своего угрюмого хозяина-большевика. Наверное, мечтают на пару, как они станут чинить в Меже большевистский террор!

— Слушай, Витька, — стал с притворным страхом отмахиваться Алексей. — Жутко тебя слушать. Ещё приснится после твоих рассказней какая-нибудь параша...

— И откуда у вас, господин делехтор, этот тюремный жаргон? — продолжал шуточный разговор Витька. — Рано ещё про нары мечтать, не работали, однако. Вот когда настоящий цех здесь задымит, тогда и... можно собирать котомку.

— Нет, я уж лучше тревожный чемодан, — не согласился Алексей. — Тем более, меня уже соби-

рались недавно в войска забрить. Думаю, что их, так сказать, предложение пока ещё остаётся в силе. — Неожиданно Витька помрачнел и, вспомнив про этот неприятный эпизод их совместной межевской биографии, повернулся всем телом в сторону райцентра:

— Слушай, Лёш, а может, это не из-за завода, а? Может, у тебя в Усольске какие трения с местным начальством имелись? Меня вон тоже однажды едва с институтской скамьи не забрали. Профессор у нас один в Израиль уехал, ну, нас всех собрали в аудитории, пригласили каких-то козлов из обкома, стали его осуждать чуть ли не за измену родине. Стали всех спрашивать, как он лекции по соцреализму читал, много ли наследил после себя? Ну, я встал и говорю, что был он социалистом, каких ещё поискать, а уехал в Израиль на воссоединение с семьёй, потому как старенький и в последнее время много болел. Ну, воцарилось молчание, словно я признался в сотрудничестве с МАССАД. А потом через пару-тройку дней приходит мне повестка в военкомат. Представляешь, пропустили меня через врачебную комиссию вместе с мелюзгой, которой выдавали приписные свидетельства по достижении шестнадцати лет, и говорят, что моя команда уходит через неделю. Еле, блин, отбился! Закон они там какой-то конституционный нарушили, придурки: так спешили, так спешили...

— Да не, Вить, у меня вроде и тёрки-то ни с кем в Усольске никогда не водилось, — неопределённо пожал плечами Алексей. — Ты же знаешь, я очень мирный человек, и мне легче договориться, согласиться, чем с кем-то воевать. Зачем, если почти любую цель можно достичь при помощи мирных средств? Особенно сегодня, при Брежневле. Думаю, что отсюда, из Межи, протекло. Какой-нибудь большевичок стукнул, что-де построил тут аванпост капитализма и обуржуазиваю воспитанный в коммунистическом духе межевской народ, который давно готов скопом дунуть в светлое бесклассовое будущее.

— Эка ты куда, брат, хватил! — засмеялся Витька. — Да коммуны здесь почитай лет пятьдесят как нет.

— Знаю, — зло отмахнулся Алексей. — Это я так, для убедительности и полноты ощущений.

— А вот что до ощущений, — продолжал начатое Витька, — то тут ты ошибаешься. Хоть и

вполне демократичный Брежнев нынче у власти, а на местах всё, как и прежде, по-сталински кондово. Я вполне уверен, что не получится у Брежнева демократизации нашей жизни сверху, саботируют всё... А кроме того, и там у них, в ЦК, слышал я, не всё так гладко. Выражаясь по-старому, по-прежнему одни за нэп, а другие — за военный коммунизм и продразвёрстку. Поэтому тут, как говорится, на кого нарвёшься...

— Кажется, уже нарвались, — с грустной иронией проговорил «грибной делехтор» и настороженно поднёс к губам палец.

В наступившей тишине явственно прорезался тоскливый собачий вой, словно друзья человека отпевали только что усопшего хозяина.

— Это лыткинские псы, — уверенно сказал Витька.

— По нам воют, — согласился с ним Алексей. И тут же виновато поправился: — Я хотел сказать, что пугают, на нервы дают. Старый приём. Ты же знаешь.

— Вот что, — Витька решительно встал с колченогого самодельного кресла, выкрашенного жёлтой масляной краской. — Собирайся-ка ты, брат, в город. Ты ведь давно хотел купить кое-что для своего хозяйства, а заодно и мне рамок для ульев посмотришь и маточников штук пять. Вперёд!

На время забыв про собачий вой, друзья проворно забегали по избе, собирая всё необходимое для серьёзной дороги.

Но к автобусу (остановка располагалась в полуверсте от избы) Алексей опоздал. Поразмыслив с минуту, он решил отправиться к разъезду, за лес, где останавливался пригородный поезд до Уольска. До его прибытия оставалось примерно с час, аккуратно успеешь неторопливо миновать эти три лесных версты. И он, решительно набычившись на синюю опушку и инстинктивно втянув голову в плечи, двинулся по песчаной станционной дороге.

Около получаса он шёл совершенно спокойно, нимало не заботя себя ни стрёкотом сорок впереди, ни ударными потугами дятлов, ни характерным тик-такоем рельсов на стыках, но как только подошёл к началу высоченной сосновой рощи, которая своими гигантскими лапами закрывала весь белый свет, впереди что-то угрожающе рыкнуло и сразу всё куда-то минуло: и сороки, и дятлы, и даже рвущиеся через лес товарняки.

На тропе прямо перед Алексеем, расставив по-матросски задние лапы, влобоборота стоял огромных размеров пёс неизвестной породы. Он был значительно крупнее овчарки и не в пример ей с огромными висячими ушами. И хотя он не лаял и даже не рычал, от всего его облика исходила реальная угроза убийства. Едва Алексей успел как следует испугаться, как из-за крупного куста орешника появился и сам хозяин пса — местный Баскервиль товарищ Лыткин с поводком в левой руке. Глянув преданно на хозяина, пёс в следующее мгновение утробно заурчал и неторопливо двинулся на Алексея. Тот попятился и, решив взобраться на ближайшее дерево, обернулся назад. Но там уже делали стойки на него два лыткинских волка, две натасканные на людей немецкие овчарки.

И тут Алексей понял, как и почему в Меже исчезли неудобные местным большевикам приезжие люди. Напоследок ему на ум пришла ещё какая-то странная мысль: раньше пришлых большевиков подкарауливали межевские буржуи-кулаки, а теперь пришлых буржуев встречают и травят заморскими собаками давно омежевевшие большевики. Как говорил про это Витька? А, цикл, цикл прошёл... В следующее мгновение огромный пёс прыгнул Алексею на грудь и впился ему в горло своими загнутыми вовнутрь клыками. Уже через несколько секунд грибной директор лежал под кустом с порванной сонной артерией и лишь конвульсивно перебирал по траве босыми пятками. Ботинки с него от перенапряжения соскочили, как это случается порой с пешеходами, когда их сбивает на проезжей части лихой автомобиль.

Когда Алексей окончательно затих, Лыткин взял его за щиколотки и поволок тело между гладких по низу стволов к заранее приготовленной под сосной супесчаной яме. «Похороны» заняли не более получаса.

Возвращался Лыткин по другой дороге, в обход, через старый пчельник, чтобы выйти к Меже со стороны зернохранилища, где он якобы ловил петлями диких голубей себе на завтрак. Здесь он и в самом деле вынул из капканов полдюжину забывших про осторожность вяхирей и, взяв своего волкодава на поводок, направился к дому, беспечно насвистывая «Вихри враждебные веют над нами...».

В это время со стороны Усоляска и в самом деле прилетел порывистый предгрозовый вихрь, который поднял в небо взвесь строительного песка, имевшего какой-то редкий красно-бурый оттенок. Песочная пыль долго не хотела оседать, в связи с чем до самого начала грозы «гнилой угол» (юго-запад, откуда всегда приходят осадки) межевского неба был зловеще кровав.

Глава восемнадцатая Звенящая тишина одиночества

Вто мгновение, когда Лыткин закончил маскировать закопанное тело Алексея дёрном, какой-то неожиданный разряд неизвестно откуда взявшегося электричества сбросил Витьку с табурета прямо на пол кухни, где он по инерции уткнулся в ведро с чесночными очистками и стеблями не годного для консервации укропа. «Что-то там с Лёхой нелады», — подумал он вслух и стал звонить на Усольскую автобусную станцию, номер телефона которой значился на первой странице его святцев, как он называл книгу с адресами и телефонами значимых для межаков объектов.

— Алё, девушка! — кричал Витька в красную, перевязанную чёрной изолентой трубку. — Валентина Андревна?! Здравствуйте! Будьте любезны, подскажите, скоро ли прибудет в Усоляск автобус из Медведя? Что, уже прибыл? Почему так рано? Ах, вот как... Отправился почти на час раньше... Прошу прощения, я ничего об этом не знал. Спасибо. До свидания.

Витька сильно двинул трубкой по рычагам аппарата и стал думать: «Стало быть, на автобус он явно опоздал, но не вернулся. Значит, либо сел на попутку, либо пошёл к пригородному поезду на разезд. Он перед уходом ещё спрашивал меня про его расписание и остался очень доволен, что если вдруг подведёт автобус, а такое не раз случалось, то можно воспользоваться по старинке пригородным поездом, который прибывает в самый центр Усоляска, где он снимает небольшую квартирку.

Так на чём он всё же поехал: на авто или по «железке»? От умственного напряжения Витька весь взмок, но, кажется, не безрезультатно, поскольку вдруг отчётливо вспомнил Алексею

фразу, оброненную однажды в пылу очередного пустячного спора, которые между ними водились постоянно, причём по любой теме. В тот раз они начали дебатировать про самолёты, на которых Витька летал скрепя сердце, а Алексей души в них не чаял, даже признался как-то, что в детстве мечтал стать лётчиком, да зрение подвело. Тогда перекинулись на поезда и автобусы. Вновь спорили до хрипоты. Причём Витька, ссылаясь на американский (передовой!) опыт, безапелляционно заявил, что будущее за шоссе и автомобилями, а Алексей, напротив, ругал российские дороги на чём свет стоит и приводил жуткие цифры погибших в автокатастрофах. «Если у меня есть хотя бы какой-то шанс добраться до места на поезде, то я выберу его, даже если это и не так удобно, как по асфальту!» — заявил он напоследок. Ну, конечно, окончательно решил Витька, Алексей рванул на «железку» к пригородному. Там и ждать-то минут пятнадцать, не больше. Значит, он пошёл лесом по станционной тропе, по которой нынче ходят неохотно, редко, предпочитая близкую автодорогу.

И в это время откуда-то из-за реки до Витькиного слуха донёсся протяжный собачий вой... как по покойнику. Учителю стало совсем скверно и как-то беспокойно от невольно нахлынувших на него самых невероятных предположений.

«Ничего, — стал он вслух успокаивать самого себя, — позвоню ему через часок-другой. Ну, приедет, заскочит в магазин, по бродвею тамошнему прошвырнётся, может, пивка с дороги кружку-другую махнёт. А потом всё равно домой надо: душ после Межи принять, вещички разложить, что-нибудь с дороги скушать, зазнобе своей звякнуть, что, дескать, соскучился и всё такое... Знаю я Лёху: он хоть и не ловелас, но любит это дело, как и все мы, нормальные парни. А пока пойду гляну, что там за вой». И, заметно успокоившись, Витька вышел из избы в палисадник, а потом, обойдя сад, остановился за околицей.

Вдали, над большим вертявым оврагом, отделяющим Витькины владения от лесисто-полевой окраины Межи, стояли два волка и, вытягивая к тёмному небу свои острые морды, нудно завывали, словно призывая Витьку в свидетели какой-то только что произошедшей гнусности. Неподалёку от своих натасканных овчарок стоял Лыткин и победно смотрел в Витькину сторону.

И тут какая-то неведомая сила толкнула Витьку назад в избу, где он махом сорвал со стены двустволку и, по ходу вставляя в казённый патроны, метнулся на старое место.

Целился он не более двух-трёх секунд, потом надавил поочерёдно сразу на оба курка. Дуплет шарахнул неожиданным треском, эхо от которого, разломившись, полетело сразу на две стороны: к залесной «железке» и напрямик к центру Межи, где заседал в сельсовете сам товарищ Камынин. Витька даже почувствовал, как председатель насторожился и вопросительно посмотрел на заплылённый портрет Брежнева, висевший над его обширным старомодным столом. Ни собак, ни их хозяина на гребне оврага не было. Наверяд ли Витькина картечь с такого расстояния достала псов: всё-таки гладкоствольное оружие боеспособно метрах на шестидесяти-восемидесяти, а тут все сто пятьдесят. Если бы... хотя бы из «мелкашки», тогда наверняка бы снял этих умроков, и никто бы ему за это ничего не сделал. Тут налицо дикая охота, во всяком случае, угроза её применения, а это уже уголовная статья, и очень серьёзная. А может, уже не угроза? И Витьку объяла звенящая тишина одиночества, в которой он явственно ощутил своё сиротство, свою ненужность и этому большому селу, и его странным молчаливым жителям, и хитрому насупленному начальству, и даже ещё недавно нуждавшимся в нём детям.

Он совершенно не следил за тем, сколько он просидел на скамье под окнами избы, но, когда очнулся, стало уже смеркаться. На западе нехотя догорал тревожный закат, а восток был тёмный и бесперспективен. «В принципе, Лёшка уже давно должен быть там, в этой тёмной, неуютной сини», — подумал Витька и вдруг почувствовал, что его наверняка там нет. Тем не менее он почти бегом зашел в избу. Набирая четырёхзначный Лёшкин номер, он почти с ужасом заметил, как сильно «гуляют» вокруг диска его пальцы, не слушаясь даже самых простых команд. Набрал он Лёшку только с третьего раза. К его удивлению, трубку сняли уже после третьего гудка, но... это был не Лёшка.

— Кто это? — недовольно спросил Витька, улыбаясь на том конце линии какой-то странный фальцет.

— Меня зовут Тамара, — ответили Витьке уже

более приятным грудным голосом. — Я давняя Лёшина знакомая. Он мне позвонил из Межи, сказал, что выезжает и чтобы я ждала его у него дома. Ну, что-нибудь сготовила, купила бутылочку нашей любимой «Кубани». У меня есть ключ. И вот я всё приготовила, а его почему-то нет. Я даже выпить успела от переживаний. Вы не знаете, где он?

— Звонил вам он, видимо, с моего телефона. Он у меня живёт всё это время с тех пор, как построил неподалёку грибоварню. — Витька сделал небольшую паузу с расчётом, что Алексева дама начнёт что-нибудь переспрашивать, уточнять, но та глухо молчала. Тогда он обречённо вздохнул и договорил задуманное: — Понимаете, на автобус он опоздал. Значит, пошёл на пригородный лесом. По моим подсчётам, тем более если вы договорились о встрече, он должен был уже давным-давно распивать с вами ваше любимое вино. Но его отчего-то нет. Отчего? Пока мне сказать нечего. Сейчас уже темнеет. Подождём до утра, а там будем действовать по обстоятельствам. Может, он ещё придёт? Ну, неожиданно встретил кого-либо из старых друзей, а позвонить вам было неоткуда. Выпил с кем-то, отвлекся, потерял счёт времени. Знаете, с каждым случается...

— Но раньше такого не было никогда, — отвечала дрожащим голосом девушка Тамара.

Наконец нервы её сдали, и она заревела в голос, причитая «напали в лесу!», «обокрали!», «убили!», «закопали!» и тому подобное. Тут уж Витьке стало совершенно не по себе и ещё более одиноко, чем перед лицом зловещего заката и синюшного бесперспективного востока.

Глава девятнадцатая Лёшка объявлен в розыск

Наутро, как и ожидал Витька, Алексей дома не появился. Заночевавшая в его квартире Тамара уже не плакала, а лишь просила Витьку написать заявление в милицию и, если понадобится, обозначить её как свидетельницу.

— Я взяла на сегодня отгул, — говорила она сухим бесстрастным голосом, — и весь день буду здесь. Ждать и надеяться. Позвоните мне, пожалуйста, если хоть что-то прояснится насчёт Алексея. К вечеру я позвоню вам сама. Не может

же в наше время человек вот так взять и исчезнуть без видимых причин?!

«Ах, если бы и в самом деле без причин!» — воскликнул про себя Витька сокрушённо, а в трубку буркнул скороговоркой:

— Не волнуйтесь, узнаю, позвоню, до скорого...

Положив трубку и вырубив газ под закипевшим чайником, Витька насыпал себе целых три ложки порошкового кофе и опустил в дымящуюся бурую жидкость пару кусков сахара. Необходимо было обдумать всю цепочку предстоящих сегодня действий. Закончив с кофе и несколькими бутербродами с домашней ветчиной, Витька стал набирать Дасмаева:

— Товарищ капитан! — заорал он сиплым от недосыпа голосом. — Что так ору? Так друг мой, директор грибной, пропал. Где пропал? Вчера на автобус до Усоляска пошёл и исчез. И до Усоляска не доехал, и назад не вернулся. Лучше давайте я сейчас подъеду, и мы с вами в спокойной обстановке это дело переговорим. Выезжаю... Сейчас у соседа мотоцикл напрокат возьму — и я у вас!

И Витька опрометью сорвался с места. На «Восходе» Ваньки Балакирева он уже не единожды ездил, а потому оседлал его без особых проблем и менее чем через час уже стучался в кабинет участкового. Дасмаев в это время пил чай и задумчиво наблюдал в окне голубую киношную афишу с изящным женским профилем, перечёркнутым ломаной чёрной надписью — «Жизнь взаимы».

— Вот и я про то же, — поздоровавшись, кивнул Витька Дасмаеву на окно. — Василь Иванович, очень-очень не хочется предполагать что-то ужасное, но за Алексеем такого никогда не водилось.

— Вот что, Виктор Сергеич, давай всё по порядку, как положено. — Дасмаев поставил опустевшую посуду на край стола, привычно спросил:

— Чаю с дороги выпьешь?

— Если честно, то мне бы сейчас чего покрепче, только рано ещё, — признался Витька.

Дасмаев понятиво кивнул и, налив Витьке бурого, хорошо заваренного напитка, плеснул в гостевой стакан с подстаканником толику «трёхзвёздочного». Витька с удовольствием отхлебнул ароматного коктейля и вопросительно посмотрел на капитана.

— Пиши для начала заяву, — скомандовал

Дасмаев, — а потом поговорим. Пиши кратко, только факты: где, при каких обстоятельствах и в какое время.

И Витька стал писать.

*Начальнику Усольского РОВД Ревичу В.Д.
от Реми В.С., проживающего в селе Межа
Усольского района Н-ой области.*

Заявление

Довожу до Вашего сведения, что вчера, 3 августа 1978 года, проживающий в настоящее время у меня СОЛОМИН Алексей Николаевич отправился к автобусу, с тем чтобы съездить за покупками в Усольск. На автобус он опоздал, а потому, по всей видимости, пошёл лесом на пригородный поезд, который бывает на нашем разъезде часом позже. Однако в Усольск Соломин, видимо, так и не приехал и не вернулся назад. Во всяком случае, его невеста Семёнова Тамара Михайловна, приехавшая, как они условились, к нему на квартиру, его так и не дождалась. Автобус на Усольск должен был отходить от нашей остановки в 9, но 3 августа почему-то проехал часом раньше, а пригородный поезд бывает на разъезде в 10 часов.

Прошу срочно разыскать Соломина А.Н. и сообщить о его нынешнем местонахождении.

*Реми В.С., учитель средней школы села Межа.
Дата. Подпись.*

Дасмаев ловко ухватил со стола серый листок с Витькиным заявлением и, прочтя его вслух, аккуратно положил в настольную папку, на обложке которой было крупно выведено «Текущее».

— А вот теперь прошу подробнее. — Дасмаев сел к столу и щёлкнул клавишей небольшого портативного магнитофона.

Витька, задумавшись на минуту, начал издавать:

— С Алексеем Соломиным мы дружим с детства. Он хоть и не жил в Меже постоянно, но его туда привозили каждое лето: сначала — из Москвы, где в ту пору служил его отец, а потом — из области, куда его семья переехала сразу после выхода его бати-подполковника в отставку. Особенно мы сблизились в студенчестве, потому как учились в одном городе, в Ленинграде то есть. После окончания институтов я обосновался в Меже, а он — в Усольске, где одно время работал

по своей инженерной профессии, а потом решил завести у нас, в Меже, своё дело.

При этих словах Дасмаев проворно согнал с лица равнодушное выражение и весь превратился в сплошное милицейское внимание.

— Интересно, откуда к нему эта идея пришла? — с таинственной улыбкой спросил он. — Из-за бугра, что ли? Впрочем, это я так, для понимания общей обстановки, хотя местные кагэбисты им не на шутку интересовались — не скрою.

— Да нет, Василь Иванович, не из-за бугра, — убеждённо сказал Витька. — Дед его в коллективизацию в Меже зверствовал. Не только кулаков, но и середняков всех под корень из села вымел. Многие так и сгнули на северах. И всё больше работающие люди, со своими мельницами, пекарнями и даже небольшими заводиками, в том числе и по засолке грибов и консервации ягод. Вот Лёшка и решил этот грех дедовский искупить. «Не отпускает, — говорил он мне, — память ни на день. Житья от этой вины нет на белом свете!»

Дасмаев с пониманием кивнул Витьке и попросил продолжать.

— Ну, значит, приехал он ко мне прошлым летом, расположился, снял денжат в банке, и пошли мы с ним оборудование смотреть, — продолжал Витька. — Что-то купили, что-то сами из лесу припёрли, и начал он грибы у местных принимать. Ну, я, как мог, помогал в свободное от школы время.

— И как на это дело межаки поглядели? — с хитрецей во взгляде спросил Дасмаев.

— Вот я к этому и веду, — кивнул невесело Витька. — Смотрели, признаться, по-разному. Большинству, и грибникам в первую очередь, это дело пришлось по душе, поскольку Алексей им платил за сданную продукцию неплохие по местным меркам деньги. А где ещё в Меже заработать можно? Только калым на стройке или сенокосе. А строить нынче стали мало, да и сенокосов поубавилось. Корова — большие хлопоты, привязка к месту. Молодым это ни к чему, а старикам многим уже не под силу. А тут на тебе: погулял за грибами-ягодками и изволь получить пять, а то и десять рублей!

— Но были и такие, кому это дело не понравилось? — не то спросил, не то констатировал капитан.

— Бабам прежде всего! — согласился Витька. —

Мужики получили возможность иметь «левые» деньги на пропой, так сказать, вышли из-под бабьего контроля. Но это не страшно, потому что Алексей переписал всех пьяниц и большую часть денег, заработанных ими на грибах, стал выдавать их жёнам. А им... на красненькую пару рублей. Но появились у нас, так сказать, и идейные противники. Это местные коммунисты, которые в Меже все как один держат собак и вообще живут очень и очень крепко. Думаю, что Алексеев дед в двадцатые-тридцатые их бы точно раскулачил. Знаете, они даже не коммунисты, а скорее современные большевики, словно это не Сталин, а Брежнев написал о том, что по мере врасстания в социализм классовая борьба в стране только обостряется. Хотя, думаю я, в конечном итоге и не в идее дело!

— А в чём? — с неподдельным интересом стал уточнять Дасмаев.

— В местечковом жлобстве, — зло отвечал Витька. — Как вы верно заметили, жители Межи очень специфичны и заметно отличаются от своих земляков из Столбов, Соколихи и Ясной Поляны. Даже говор у них грубее, а уж привычки!.. Не любят они пришлых, приезжих, а тем более таких, как Алексей. Опасаются, что ли, и вообще... Ретрограды, одним словом, причём активные, агрессивные ретрограды, пуще староверов!

— Эта их агрессивность в чём-то выражалась? — спросив это, Дасмаев стал что-то заносить в свой блокнот.

— Однажды ночью некто сорвал замок с нашей грибоварни и устроил в ней форменный разгром, — рассказывая об этом случае, Витька стал невольно горячиться, понимая теперь, что, возможно, между этим давним случаем и нынешним исчезновением Алексея имеется причинно-следственная связь. — Кстати, на месте мы обнаружили крупные собачьи лапы. Один из местных, некто Макаров Николай Иванович, ваш клиент, вроде признался нам в содеянном, но как-то неуверенно, из-под палки, что ли. Его сын у меня учится, и весьма плохо. Словом, зависим он от меня, а потому я в его признания не очень-то и верю. Он мог ради сближения со мной признать что угодно и, так сказать, покаяться. Это старый как мир приём. А вот потом, буквально на днях, эти большевики и собак своих подтянули.

— Куда подтянули? — в хрипловатом голосе Дасмаева слышалось явное недопонимание.

— К нашему дому, — отвечал Витька. — Есть у них там один товарищ, который всем нам, а вам, товарищ капитан, в первую очередь, давным-давно не товарищ! Фамилия его Лыткин. Знаете такого?

— Ещё бы! — зло и ехидно проговорил капитан. — Он у меня с шестидесятых годов в подозреваемых по 102-й — «мокрой» ходит, сволота! Коммунист, блин... Понял я, учитель, о чём ты баешь.

— Хорошо, если понял, потому что собак своих Лыткин натаскал, как лорд Баскервиль, на людей, — Витька перешёл на таинственный шёпот. — И это уже не 102-я, а много хуже! Это «дикая охота», которую практиковали ещё в средние века и некоторые наши дворяне времён Екатерины, когда ловили беглых крепостных. Так вот, для начала эта сука Лыткин решил проверить своих «волков» на моей корове Дочке. И если бы мы вовремя не выскочили на двор, то корову бы попросту задрали. А так... ноги ей сильно покусали. Слава богу, до вымени не успели добраться. А вчера, вскоре после исчезновения Алексея, опять этот гнусный вой прямо под моими окнами. Ну, я взял двустовку, вышел за околицу, а они на краю стоят и воют, а этот Лыткин ими дирижирует, подлога! Пальнул я по этим волчарам, не стерпел, товарищ капитан, но далековато было. Так что, может, ещё и заяву на меня накает — дескать, стрелял в него. Попытка убийства!

— Не накает! — отрицательно мотнул головой Дасмаев. — Не в его интересах. А вот ты напиши мне ещё одно заявление. Так, мол, и так, натравил на мою корову и прочую живность своих овчарок, в результате чего корова была сильно покусана, а две куры — задавлены!

— Товарищ капитан, куры уже на насесте были! — стал возражать Витька.

— Пиши, я сказал! — сурово настаивал Дасмаев. — Были бы внизу, точно бы от них ни хрена не осталось. Разве что пух для подушек! Так, подозрения твои я понял и разделяю их, потому что в Меже уже четверых приезжих слизнуло, и никаких следов. Давай теперь про вчера поконкретней!

— Вчера я по большей части из-за разрядки ситуации, а не по необходимости стал Алексея спрашивать в Усольск, — стал вспоминать со-

бытия минувшего дня Витька. — Боялся я, что не выдержит он и, чего доброго, пристрелит этих псов, и тогда... Словом, не хотел я думать, что тогда. И, видимо, зря, как теперь понимаю. Лёшка спорить не стал, позавтракал, собрался и к девятичасовому на остановку побежал. А оказывается, как я потом вызвонил, автобус вчера вышел из Медведя почти на час раньше и Лёшка на него опоздал. А вот что дальше. Мог, конечно, и на попутке, но, я думаю, нет. Уверен, что он побежал на разезд к пригородному. На попутках он практически никогда не ездил, а вот поезда любил всегда. Бывало, неприятности у него какие-нибудь или настроение ни к чёрту, он сразу шасть на поезд. Съездит куда-нибудь, в тот же Усольск, а то и в Медведь, и всё у него встаёт на свои места. Он стук колёс любил, запах угля и вагонной обшивки. Нет, он, конечно, на пригородный пошёл. Тем более, что у него был комфортный запас времени. А вот дальше... Слушайте, Василь Иванович, а позвоните-ка вы сейчас на разезд Межа и спросите, а не брал ли там такой-то и такой-то молодой человек проездного билета до Усольска. Вы же участковый, вам и по телефону скажут.

— Да я уж об этом и сам подумал, — признался Дасмаев и начал крутить эбонитовый диск.

Минут через десять он устало отстранился от телефона и проговорил грустным-прегрустным голосом:

— Судя по всему, Виктор Сергеич, не дошёл твой друг до разъезда. Не дошёл, потому что у Гали Антоновой железная память, а у твоего Алексея весьма примечательная для наших мест наружность. Сразу видно, что не здешний! Нет, говорит, вообще никаких молодых мужчин вчера на пригородный не садилось. Были две молодых мордовки, старуха с корзинками и мужик в чёрной спецовке какой-то мешок на себе волок. Наверное, с поросёнком. Всё! Нынче в основном автобусами обходятся. Я слышал, что пригородный вообще хотят снимать с пути следования. Невыгодно стало пустые-то вагоны гонять туда-сюда.

— И что теперь делать прикажете, господин участковый? — в голосе Витьки слышался полный упадок. — Раз не садился на поезд, значит, остался в лесу!

— Ну, ты постой! — вскрикнул капитан. — Давай раньше времени в осадок-то не выпадай! Может, всё же с попуткой удачно вышло или на этот при-

городный без билета сел. Ну, купить не успел или просто адреналину захотелось?! Знаешь, на этом пригородном наши усольские пацаны ради остроты ощущений до сих пор на крыше ездят!

— Могу себе представить Лёху на крыше вагона... с чумазыми пацанами! — зло усмехнулся Витька. — Не, не думаю, что без билета. Времени у него было — вагон и маленькая тележка!

— А если по дороге грибы попались? — попытался отвлечь Витьку от дурных мыслей Дасмаев. — Или ягоды, или зверь какой? Лес — стихия непредсказуемая. Но тебе нынче же надо по этой тропе пройти и внимательно всё там осмотреть, особенно все её подозрительные места. Тебе надо объяснять, что я под этим разумею?

— Не стоит, — отрицательно завертел головой Витька. — Это места, удобные для засад, для неожиданного нападения. Словом, такие, где у путника крайне ограниченный кругозор.

— Понимаешь, стало быть, — поощрительно проговорил Дасмаев. — Всё, давай иди, шукай тропу, а я пока у начальства твои заявления подпишу, вызову этого большевика к себе на допрос и попрошу в помощь Саньку, опера из уголовного. Позвоню тебе сам, а там поглядим. — И они, крепко пожав друг другу руки, решительно расстались.

Глава двадцатая О чем молчала тайга

Нет, межевской лес не был тайгой в полном понимании этого слова, ибо изобилует лиственными породами, что, в принципе, тайге не свойственно. Однако в нём вполне могла заплутать даже целая армия потенциального неприятеля. Например, Большие сосенки. Это роща огромных, посаженных ещё в прошлом веке сосен, которая выходила на станционную тропу сразу с обеих сторон. Сосенки (какой чудак назвал так исполинские деревья?!) имели снизу густой подлесок и целый город муравейников. В них росла небывалой крупности земляника и водились редкие для здешних мест рыжики. Ещё Витька вспомнил тамошние папоротники, чем-то напоминавшие картинку из учебника «Основы дарвинизма», изображавшие доисторические леса с их фантастическими растениями и животными. Он

решил, что в Сосенках задержится особо, поскольку Алексей всегда выделял это место в числе прочих достопримечательностей Межи.

Мотоциклом Витька решил на сей раз не пользоваться, а ограничился своим велосипедом «ЗИФ», на котором ездил ещё его дедушка, умерший несколько лет назад от «ожившего» под сердцем осколка. Поскольку работа на тропе предстояла скрупулёзная, Витька прихватил с собой термос с горячим чаем и несколько пирожков с яблоками. Закрепив снедь на багажнике, он надавил на педали и уже через несколько минут въезжал под сень берёзовой опушки, на которой ещё третьего дни они с Лёшкой, совершенно счастливые, резали белые грибы и пели «Пугачёву».

«Если Лёшка почему-либо пропал, — рассуждал, неторопливо покручивая педали, Витька, — то это наверняка случилось где-то в глубине леса, где редко появляются люди, где ограничен кругозор, нет такого, как на опушке, эха. Словом, меньше свидетелей и больше шансов безнаказанно действовать исподтишка». Поэтому, доехав до первых кущ, Витька слез с велосипеда и пошёл дальше пешком, пристально осматривая саму тропу и траву по обе её стороны.

Трава, слава богу, была невысокой, в основном клевер, кашка да васильки с ромашками. Так, нога за ногу, он дошёл до самых сосенок, мимо которых стал продвигаться, как сапёр по только что отбитой у врага территории. К сожалению, на более открытых местах солнце било ему прямо в лицо, и он всё более отчётливо понимал, что на обратном пути его глазам будет куда легче. Когда появился разъезд, Витька вновь сел на велосипед и подъехал к высоким деревянным ступеням. Здесь он приткнул свой аппарат к дощатой стенке здания и поднялся по лестнице вовнутрь.

В фойе маленького вокзальчика стояло несколько деревянных диванов, густо исписанных матерщиной, в которой с завидной откровенностью и пафосом сообщалось о том, какого размера у ожидающих здесь поезда члены и когда какая-то Любка даёт исключительно всем и совершенно бесплатно. Рядом к тому же имелись рисунки как первого, так и второго. Постигнув суть зрительных образов, Витька с чувством крикнул и подошёл к узкому окошечку кассы, из которого на него с интересом глянули чёрные и

какие-то, как сразу показалось, влажные женские глаза. Перед тем как открыть рот, Витька даже успел удивиться: «Надо же, в такой заднице и такая красавица!»

— Здравствуйте, Галина! — с обезоруживающей улыбкой приветствовал девушку Витька. — А нельзя ли у вас кое о чём полюбопытствовать?

— Интересно, а откуда вы знаете, как меня зовут? — удивилась девушка. — Вы явно нездешний. Слышали, наверное, от кого-нибудь. А полюбопытствовать — это смотря о чём...

— Чтобы не ходить вокруг да около, — стал признаваться Витька, — слышал я, как вас зовут, от участкового Дасмаева, когда он часа три назад звонил вам сюда из своего кабинета.

— А, помню! — воскликнула, привстав со стула, девушка. — Он ещё спрашивал про молодого человека — покупал тот билет на пригородный или нет?

— Точно, — подтвердил Галину догадку Витька. — Вы ещё сказали, что не покупал. А вы это точно помните?

— Ну, конечно! — тряхнула она решительно головой. — Пассажиров-то было три с половиной человека. Тут если и захочешь, так не забудешь!

— А мог он, например, сесть в поезд без билета? — не терял надежды Витька.

— А зачем? — спросила она в полном удивлении. — Билет-то на пригородный двадцать копеек стоит! А штраф за безбилетный проезд — «пятёрка»! И потом я пригородные поезда обычно провожаю лично. Знаете, раньше стрелочницей работала, сразу после школы. Привычка!

— И вчера провожали? — Витька вновь невольно улыбнулся, хоть и мрачнел внутренне больше обычного, поскольку в его душе истаивали последние надежды.

— И вчера тоже, — согласно закивала она. — Ну, мордовки сами забрались, мужик с поросёнком — тоже, а вот бабке я ещё помогала занести в тамбур её корзинки с белым наливом. Она в Усольск поехала ранними яблоками торговать. Больше не садился никто. А вам кто этот парень? Брат, что ли? И почему вы его ищите, да ещё с милицией?

— Это мой лучший друг Алексей, — виновато опустив голову, отвечал Витька. — Жил он у меня в Меже, где я учительствую. А вчера вот собрался на усольский автобус из Медведа, да

опоздал. Пошёл к вам сюда лесом, да вот отчего-то не дошёл...

— Надо же! — в испуганном удивлении воскликнула красивая кассирша. — А я и про вас слышала, и про вашего друга. Мне товарка из Межи рассказывала. Он вроде как там у вас какой-то грибной цех, что ли, открыл. Все ещё так удивлялись и, не буду скрывать, злословили. В Меже уже такое случалось, и тоже в лесу. Поэтому даже не знаю, что вам и сказать... Правильно, что в милицию вовремя обратились, а то ещё, чего доброго, на вас это его исчезновение и повесили бы.

— Ну, это уж чересчур! — не согласился Витька. — У меня мотивов — ноль!

— А может, девушку какую одну на двоих полюбили? — не сдавалась кассирша. — Или из-за выручки поссорились...

— Девушку?.. — Витька смущённо улыбнулся. — Если бы вас вот здесь вместе увидели, то тогда может быть, а в Меже таких, как вы, нет. А из-за нашей выручки самим впору стреляться... Галя, я забыл у Дасмаева спросить, а кто прежде-то здесь пропадал?

— Сначала приезжий учитель английского, — стала вспоминать девушка. — С такой нерусской фамилией... То ли Робсон, то ли Бобсон... Он нашему с акцентом объяснялся. Тогда, помнится, такой здесь скандалище устроили, ну прямо в международном масштабе! Года два потом ещё чего-то областные прокуроры копались, но всё впустую. Потом парень из строительного отряда пропал. Студент из областного педа. Они в Меже коровник кирпичный строили. Его тоже долго искали. Он, говорят, с межевским партгором повздорил, там у них чуть до драки не дошло. Его тоже долго искали, но опять никого и ничего не нашли. И третьего помню. Этот буквально пару лет назад канул. Какой-то то ли баптист, то ли старовер... сектант, в общем, — поставила «диагноз» Галина. — Этот тоже у межевских коммунистов не в чести был. И тоже в лесу сгинул, на пути в Столбы где-то... Вроде видели его там с книжками. Он их и в Меже бесплатно раздавал. И вот роздал... Жаль его, такой обходительный был, печальный, с бородой, как с иконы сошёл!

— Как говорится, суровые нравы в вашем городе! — серьёзно пошутил Витька. — В нём разве что краткий курс ВКП(б) раздавать безопасно или «Собаку Баскервилей» — для передачи опыта. А

староверы не сектанты, Галя. Хотя, я думаю, ваши упёртые большевички не пощадили бы и их.

— Они не мои. Я здесь, на разезде, с рождения живу и в Межу никогда не перееду. — Девушка явно оживилась. — Вот в область подруги зовут, там в политехе есть железнодорожный факультет. Мне начальник Усольской станции обещал направление дать. А может, и сам начальник дороги даст, на заочное отделение, чтобы могла продолжать работать.

— Здесь хорошо! — согласился Витька. — Я слышал, что в Усольске начальнику вокзала уже скоро на пенсию. Может, вот его и смените?

— Хорошо бы! — в свою очередь согласилась Галина. — Ужасно люблю встречать и провожать поезда. Не согласна я с тем, «как провожают паромы»... Поезда тоже красиво провожают.

— Это точно, — с чувством сказал Витька. — Мой друг Лёшка тоже очень любил поезда, гораздо больше, чем все остальные виды транспорта.

— А почему вы так уверены, что любил, а не любил? — вскинулась девушка.

— Я не уверен, конечно, но отчего-то мне так думается, — признался Витька. — Чувство такое внутри сидит, что уже нет его на свете. Ну, ладно, не стану вас грузить своими печальями. Спасибо за содержательную беседу. Может, она мне чем-либо и поможет... До свидания, Галя.

— До встречи! — отозвалась девушка и смущённо помахала Витьке рукой.

А он, как ни понравилась ему местная кассирша, мыслями был уже там, на тенистой тропе, под плотным навесом сосновых лап. Теперь солнце светило ему со спины и отчётливо выделяло под ногами каждую травинку и каждый рубчик подошвы. И хотя в сосняке стало много темнее, кренившееся к западу солнце под углом стало проникать и сюда.

И тут Витька увидел на супесчаной тропе отпечатки огромных собачьих лап. Даже у овчарок не могло быть таких! Он присел над отпечатками на колени и, сдвув с них песок, понял, что собака, оставившая на весьма накатанной, жёсткой тропе такие лапы, была очень тяжела! «Это наверняка лыткинское чудовище оставило, и совсем недавно», — подумал Витька и стал внимательно изучать край тропы.

Здесь на примятых стеблях ромашки он нашёл несколько небольших косичек собачьей

шерсти, которые осторожно опустил в один из прихваченных с собой пакетов. Ещё метров десять он двигался почти ползком, буквально обнюхивая под собой каждый квадрат, отпечатки собачьих лап то появлялись, то исчезали в траве. Наконец он увидел на самом краю супеси, возле травы, знакомый до боли рубчик Лёшкиной подошвы и маслянистый бурый развод рядом. Витька порывисто задыхался и сразу весь взмок, словно только что пробежал на студенческом стадионе «четыреста с/б» (с барьерами). Отдышавшись и обтеревшись накрученным на раму полотенцем, он промокнул развод подушечками пальцев, к которым легко прилипли частички свернувшейся крови. Даже запах и вкус (Витька не побрезговал испробовать прилипшие песчинки языком) говорили об этом. Переведя дух и успокоившись, он стал прощупывать всю прилегающую к Лёшкиной подошве траву. Трава тоже была в крови. Кое-где сгустки крови тащили к своему дому муравьи, кое-где на ней сидели разнокалиберные мухи.

Наконец Витька обратил внимание на едва уловимый след под соснами, который говорил скорее всего о том, что его оставил какой-то транспортируемый волоком предмет, и Витька уже догадывался, какой именно. Наконец метров через пятнадцать-двадцать он нашёл свой брелок «Динамо», который подарил другу по случаю, с тем чтобы тот, растеряха, пристегнул к нему свои ключи от грибоварни и от дома, но, видно, Лёшка пристегнуть так и не сподобился. Все Витькины сомнения вконец рассеялись, и он уверенно и зло стал искать могилу.

Глава двадцать первая Эксгумация в сосняке

Могилу он нашёл под крайней приземистой сосной, за которой начиналась поросшая мелколесьем вырубка. По-видимому, убийца торопился, потому что замаскировал следы земляных работ крайне небрежно, оставив окрест горки свежерытого рыжего песка, на которых кое-где отпечатались протекторы его характерных для офицерских сапог подошв. Витька видел такие не раз, поскольку межевское мужичьё предпочитало такие сапоги всякой прочей обуви.

Обмерив находку рулеткой, Витька уже не сомневался, что это могила, но раскапывать её самостоятельно он не решился. Во-первых, копать было нечем, поскольку лопаты он не взял. Во-вторых, могила — это главная улика для предстоящего следствия и трогать её — значит мешать Дасмаеву и следователям. И в-третьих, брать на себя раскоп было попросту опасно. Об этом, в сущности, его только что предупредила железнодорожная кассирша Галина. С этими-то мыслями Витька и вышел на тропу, где поудобнее сел на велосипед и неспешно отправился к дому. «Успеется, — подумал он. — Сейчас позвоню Дасмаеву, а он сообразит, как лучше всё это произвести для пользы дела».

Тут, наконец, до Витьки дошёл весь смысл произошедшего и его возможных последствий, и он беззвучно заплакал. Ехал себе по узкой лесной тропке и плакал, тихо и аккуратно, словно вспоминая что-то очень значимое и близкое, но безнадежно отставшее за последним поворотом. Он инстинктивно оглянулся и увидел медленно поднимающегося над просекой коршуна, который, встав на крыло, последовал за ним в сторону Межи. Изредка огромная птица издавала грустные протяжные звуки, и впечатлительному Витьке порой казалось, что это Лёшка зовёт его к себе в небо и отчаянно печалится оттого, что теперь им не суждено быть вместе. Невольно Витька запрокинул голову и на время забыл про дорогу.

...Очнулся он лежащим поперёк тропы под велосипедом. Правой с сильно ободранной локтем рукой он кое-как скинул с себя велосипед с превратившимся в «восьмёрку» передним колесом и попытался встать, но острая боль в левой ноге прострелила всё Витькино тело от пятки до затылка. Тогда он кое-как сел и стал пальпировать источник боли, лодыжку левой ноги. В районе щиколотки нога уже начинала пухнуть, но перелома, слава богу, он не обнаружил. Налицо был сильный вывих и, возможно, трещина. «И что мне теперь делать?» — спросил себя Витька вслух и сразу услышал из-за спины низкий с хрипотцой голос:

— А шо тут поделашь? К фельшеру надоть!

Витька испуганно обернулся и увидел Макарова-старшего, который, как и он, восседал на велосипеде.

— Николай Иваныч, а вас-то сюда каким вет-

ром занесло? — спросил заморённым голосом учитель и невольно скривился от болевых ощущений, которые пронизывали его даже при слабых движениях.

— Дык с Пьяны еду, — слезая с велосипеда, отвечал на сей раз вполне приветливо Макаров. — Мерёжи проверял и кила четыре карасей вот везу. — Он молодецки хлопнул по притороченному к багажнику рюкзаку. — Ты, смотрю, однако, крепко ушибся, учитель. Как же это тебя угораздило? Вроде и тропа-то здесь ровная...

— Задумался я, на дорогу перестал глядеть, — признался Витька. — Ну и съехал на обочину, а там вон тот пенёк, чёрт его дери! — Витька опять дёрнулся и застонал.

— Давай сделаем так, — предложил Макар. — Велик твой пока тута в кустах оставим, а сам давай ко мне на сиденье. Я тебя до нашего фельшера как-нибудь доведу, а там уж по обстановке, — и с этими словами Макар ухватил Витьку под мышки и поволок к своему велосипеду.

А Витьке вдруг представилось, что, вероятно, примерно так же совсем недавно волокли к яме и бездыханное тело его несчастного друга.

Когда учителю вправляли голеностоп, он на мгновение потерял сознание. Но заранее пропитанная нашатырём ватка быстро привела его в себя. После этого молодой фельдшер, прибывший в Межу в прошлом году после окончания медучилища, туго перебинтовал ему ногу и выдал дежурные костыли. Когда Витька продвигался таким инвалидным способом по Меже к дому, местные жители молча смотрели на него от своих калиток и о чём-то потаённо шушукались. «Об исчезновении Алексея уже наверняка пронюхали, — зло подумал Витька. — Теперь, наверное, и обо мне пораспустят каких-нибудь нелепиц!» Одной из особо любопытных и болтливых хозяек он сообщил в ответ на её взыскующий взгляд:

— Вот, баб Аня, «лесные братья» на лесничество напали. Скоро будут в Меже. Лыткин говорит, надо готовиться к эвакуации!

Но сказав это и заметив, что старушка восприняла его сообщение вполне себе серьёзно, Витька усовестился и остальной путь к дому проковылял в полном молчании. Дома перво-наперво он, как рекомендовал ему молодой фельдшер, освободил ногу от бинтов и наложил на неё вытягивающий компресс, потому что место вывиха замет-

но посинело от внутреннего кровоизлияния.

После этого Витька набрал номер Дасмаева и неторопливо, подавив в душе всякие переживания и эмоции, поведал ему обо всём, что произошло с ним только что в межевском лесу. Когда он закончил, Дасмаев некоторое время переваривал полученную информацию, и по его охам и вздохам Витька понял, что она произвела на участкового очень сильное впечатление. «Оно и понятно, — рассуждал Витька. — С шестидесятых годов выслеживает он этих лыткиных и всё никак выследить не может. Знает, что они, а улики никаких!» Наконец в сознании капитана милиции, по-видимому, всё встало на свои места, и он решительно сообщил, что срочно выезжает в Межу вместе с капитаном уголовного розыска Посадневым.

Пока Витька прыгал возле плиты, согревая щи и гречневую кашу с топлёным маслом, к его дому подрулила «Нива» с красными полосами по бортам, из которой проворно выпорхнули двое: один — в милицейской форме, второй — в ветровке и джинсах. У штатского в руках Витька увидел характерный чемоданчик, которому он искренне обрадовался. Приехавшие помогли Витьке успешно прикончить щи, а кашу они совместно решили оставить на потом.

По станционной тропе ехать было узковато, поэтому решили добираться до Больших сосенок по просеке, а там — метров триста — пешком. Витька не забыл прихватить костыли, хоть милиционеры и «грозились» донести его до места на своих руках. Пока ехали по просеке, Витька передал капитану Посадневу свои пакетики с собачьей шерстью, отпечатком подошвы и окровавленной травой. Капитан аккуратно уложил переданное в свой лабораторный чемоданчик и пообещал, что сразу по приезде зафиксирует подошву, установит группу крови и попытается идентифицировать шерсть, поскольку образцы шерсти лыткинских собак у него уже давно имеются.

В сосняке Витька сразу же повёл милиционеров к могиле. Здесь они сначала потоптались, тщательно обыскали окрестности и, не найдя ничего нового, кроме всё той же крови, стали копать прихваченными у Витьки лопатами. Почва поддавалась легко, поскольку состояла главным образом из песка и к тому же не была утрамбованной, утопанной. Как Витька и предполагал,

убийца особо не утруждал себя, и уже через полметра лопаты уткнулись во что-то мягкое. Сначала из-под песка показались пальцы человеческой руки, а затем и забитый кровавыми сгустками нос. Застонав, Витька отвернулся и затем устало опустил на землю.

— Очень хорошо, Виктор Сергеевич, что вы вовремя успели! — похвалил Посаднев. — Запаха ещё нет. Труп свежий, и работа с ним обещает быть продуктивной.

— Вить, ты успокойся, на вот, глотни из фляжки, — сказал более тонко чувствующий ситуацию Дасмаев. — Ничего, брат, уже не изменишь. Сейчас главное — достать наконец-то этих подонков, и ты нам в этом здорово помогаешь. Никогда тебе этого не забуду!

— Это уж точно! — согласился эксперт из уgro. — Без него, скорее всего, мы бы опять пустышку тянули.

К этому времени они уже отложили лопаты в сторону и выгребали песок руками. Затем, встав по краям ямы, они подхватили тело сразу за ноги и за руки и положили его на траву. Витька резко повернулся и долго не мог отвести взгляда от рваной прорехи на Лёшкином горле, от бурой, облепленной песком рубахи, от его не стёртой смертью гримасы боли и прилипшей к уже щетинистой щеке куколки какого-то лесного жука.

— Ну? — для формы вопросительно глянул на Витьку Дасмаев.

— Он, — ответил, а затем и утвердительно кивнул Витька. — Ещё при нём сумка была, дорожная. И денег рублей двести. — Но ни сумки, а тем более документов и денег при покойном не оказалось.

— Ну что ж? — как будто самого себя спросил Дасмаев. — Может, оно и к лучшему. Скорее всего, это собачник взял всё имущество убитого им с собой. Я немного знаю его. Во-первых, он очень жаден, а во-вторых, крайне самоуверен. Думаю, что привык к безнаказанности и утратил осторожность. На этом, надеюсь, и погорит.

Глава двадцать вторая Умер со страху!

Лыткина повязали уже в сумерки, когда он в аккурат кормил во дворе своего волкодава.

Огромная псина едва не убила Посаднева, когда тот, открыв калитку лыткинского палисадника, предложил хозяину оставаться на месте и ничего не трогать. Её прыжок повалил милиционера навзничь, и в следующее мгновение он, скорее всего, отправился бы следом за Лёшкой, но опытный, заранее всё предвидевший и просчитавший участковый успел дважды нажать на курок своего табельного ПСМ. Получив две пули точно в голову, псина завалилась на бок и стала судорожно молотить по воздуху передними лапами. Лыткин, как ему было приказано, не двигался, только во взгляде его читалась злая, ненавидящая усмешка. Когда собака испустила дух, Дасмаев кивнул хозяину на скамью под окнами, недобро прищурившись, приказал:

— Садись, Лыткин! Овчарки где?

— Что, тоже пристрелить хотите? — с вызовом спросил собачник.

— Послушай, Семён Ильич, заметь, что пока я называю тебя уважительно, как того требует наша милицейская этика. Но уже завтра тебя даже по фамилии звать перестанут... на «особом» у тебя вместо неё будет номер. По нему тебя и проведут коридором, сам знаешь куда. Если...

— Если не дам признательных показаний и не стану с вами сотрудничать, — монотонно продолжил начатую Дасмаевым мысль Лыткин.

— Ну, вот видишь, какой ты понятливый! — подбодрил хозяина пришедший в себя Посаднев.

— А этот чего с вами приёлся? — указав на Витьку, раздражённо спросил Лыткин. — Пускай валит отсель в свою школу али ещё куда подале.

— А это самый первый свидетель по твоему последнему преступлению! — едва сдерживая дрожь в руках, выкрикнул Дасмаев и, шагнув к скамье, взял только что усевшегося хозяина за грудки. Несколько раз тряхнув его и хорошенько приложив затылком к оконному наличнику, зло выдохнул: — Тебя, тля, спросили, где твои овчарки? Тебе же лучше сказать — целее будут!

— На дворе я их запер, от греха, — затравленно отвечал Лыткин, неожиданно пустивший крупную слезу. — Спрашивайте, чего вам надо. Что знаю — скажу, а на нет — суда нет.

— Вот это, — сунув собачнику под нос Витькин пакетик, сказал эксперт, — шерсть твоей только что пристреленной собаки, которая вчера задрала на станционной тропе Алексея Николаевича Со-

ломина, заведующего межевской грибоварней. А это, — достав из чемоданчика маленькую пробирку с ватками, продолжил Посаднев, — образцы крови с места преступления. Только что я сделал анализ на квартире у Рени. Полное совпадение с тобой и твоим волкодавом. А вот и твоя подошва. Кстати, ну-ка покажи для убедительности!

— А чего тут показывать? — с досадой и даже некой повинностью в голосе воскликнул допрашиваемый. — Ну, не удержал я её! — кивнул он на труп неподалёку остывающей собаки. — Разве такого телёнка удержишь? Да и сам он виноват! Накинулся на меня с обвинениями, вот она и отреагировала.

— Это ты брось, приятель! Не на партбюро, чай! — резко осадил Лыткина Витька. — Когда это Алексей на кого-то накидывался? Более спокойного и уравновешенного человека в Меже и не было-то никогда! Ты его специально в Больших сосенках подкарауливал, и хоть не моё это дело, но уж скажу! Судить тебя будут не просто за убийство, а за убийство при отягчающих, то есть за «дикую охоту» с собаками на человека.

— Говори, мы ждём! — поощрительно глянув на Витьку, сказал Дасмаев. — Ты ещё можешь себе помочь. Как оригинально писал ваш... наш советский писатель, «жизнь даётся человеку всего один раз». За «колючкой», Лыткин, люди тоже привыкают и живут себе, хлеб жуют. Так что давай всё начистоту.

— Ну, не любил я его, — Лыткин с чувством грохнул кулаком по скамье. — Всё у нас в селе шло как надо, а тут он со своей грибоварней. Стал народ смущать сладкой жизнью. Мы в парткоме у себя решили его для начала предупредить. Ну, Макарыч предложил ему всё это дело свернуть и переместиться куда-нибудь в Столбы или Соколиху. А он ни в какую. Сказал, что дед его здесь комиссарил и он якобы желает его прегрешения замолить. Ну, мы ему сказали, что как раз его дед был самым что ни есть примерным межаком, а он всё его дело только поганит своими буржуазными начинаниями. Он опять не послушался, сказал, что, дескать, времена иные настали и что мы пережиток времён культа личности. С тех пор у нас и началась вражда. А потом, когда они детишек, внучат наших, стали в свою грибоварню зазывать да там перевоспитывать, решили мы

этого, как бишь его, Сметанина, выжить из Межи во что бы то ни стало! Ну а дальше вы знаете. А травить я его и в самом деле не хотел, так уж вышло.

— Гладко стелешь, Лыткин! — усмехнулся Дасмаев. — А что ты нам скажешь о прежде пропавших в Меже?

— Я? Я ничего не скажу! — Лыткин плотно сжал в локтях руки и прижал кисти к груди. — Что пропали, слышал, и даже допрашивали меня и других членов нашей партячейки, но тогда многих подозревали... Что с того?

— Подозревали, и прежде всего тебя и твоих партийных дружков, — устало проговорил Дасмаев. — Только секретари ваши и из района, а потом и из области на нас тогда телеги в Москву накатали, что, дескать, черним межевских коммунистов, препятствуем партийному строительству на селе. Мне тогда очередного звания не дали, да и до сих пор то дело икается. Так в капитанах и хожу... Но дело не в этом. Вот, — капитан показал Лыткину ещё один, уже порядком замусоленный пластиковый пакетик. — Это всё та же шерсть всё той же твоей псины. Её мы нашли два года назад возле прикопанного тела баптиста Ефима Червоненко, который занимался в Меже распространением религиозной сектантской литературы. Его убили возле дороги на Ясную Поляну. К сожалению, труп к тому времени уже разложился и точной причины смерти нам установить не удалось. Но кое-какие улики мы на месте схрона обнаружили.

— Да мало ли где черти собак носят! — неопределённо пожал плечами Лыткин. — Там по дороге много всяких собак бегают.

— Это шерсть именно твоей собаки, — сказал Посаднев, кивнув всё на тот же труп. — А такая собака одна гулять не может. Она опасна для людей, поскольку именно на них и натаскана. И потом в материалах дела имеются показания свидетельницы Свищёвой Анны Ивановны, которая видела тебя с твоими собаками в аккурат в этот день на дороге в Ясную Поляну.

— Да, я помню этот день. Меня ж допрашивали, я тогда в яснополянский магазин ходил. Туда вот поводки собачьи привезли да ещё и с ошейниками, — почти просиял от довольства своим точным ответом Лыткин.

— А вот это ты, брат, врешь! — упрямо возразил Дасмаев. — Вот лист из дела номер пятьдесят. Знаешь, что на нём? Всего лишь показание яснополянского завмага. Она твёрдо уверена, что тебя в этот день в магазине не было, а приходил ты к ней неделей позже, когда никаких собачьих поводков у неё в наличии не было! Так ведь? Более того, мы не поленились опросить Петра Корытова и Андрея Заплаткина, яснополянских охотников, которые эти поводки как раз и купили. Так вот, купили они их через два-три дня после твоей случайной встречи с гражданкой Свищёвой. Если это не так, то покажи нам поводки, которые ты купил в Ясной Поляне, и мы сравним их с поводками Корытова и Заплаткина. Ну что же ты?

На Лыткина в эти мгновения было неприятно смотреть. Он побелел как мел и начал нервозно чесаться, словно на него разом перелезли сразу все блохи его натасканных на людей собак. Потом он, дёргаясь, сполз на спину, и изо рта у него пошла пена. Скорую Лыткину вызывали прямо из его дома. Но по дороге в ЦРБ он умер от обширного инсульта. «Со страху», — сказал Дасмаев Витьке потом при встрече.

А межевских коммунистов, несмотря на «секретарскую крышу» в районе, Дасмаеву пришлось всё-таки потревожить. На его миллиейское счастье, в область прислали нового первого секретаря из Сибири, который очень оперативно перетряхнул весь партийный аппарат. А поскольку были у него серьёзные претензии и к усольским подчинённым, дал он местному РОВД и прокуратуре зелёный свет на тотальную проверку и сыск. В результате ещё трое межевских партийцев оказались на неприятной для них скамье. Получили они, правда, условные сроки, но испуг их соратников был столь велик, что почти все они в одночасье остались без собак, и Витьке оставалось только надеяться, что всё обошлось без живодёрства.

Впрочем, вскоре после Лёшкиных похорон Витька завёл кота, который всегда запрыгивал ему на плечо, когда он отправлялся в магазин или к кому-либо из учеников.

Эпилог
За что погиб Алексей?

Когда Виктор Сергеевич закончил излагать эту длинную-предлинную историю, солнце уже начало краснеть, и на кладбище, как это всегда ощущается в вечеру, стало неудобно.

— Папа, пойдём, однако, к тётке Паше, — тронул отца за рукав Михаил. — Ты вроде предупреждал, что мы остановимся у неё на денёк? Да и, честно сказать, я что-то проголодался, — с этими словами сын подошёл к кладбищенской ограде, нарвал там крупных, удивительно свежих для этого времени ромашек и, перехватив их извлечённой из кармана резинкой, положил букет поперёк надгробного холма, прямо под фото весёлого молодого человека, о жизни которого он теперь знал очень многое, может быть, самое главное.

— Пап! — окликнул он, словно вдруг о чём-то вспомнив, отца. — А девушка Галя, это...

— Это твоя мама, — утвердительно кивнул Виктор Сергеевич. — Она потом призналась, что ещё до меня познакомилась с Алексеем и даже показывала ему редкие грибные места в сосенках, где росли одни белые да грузди, но... роман их так и не состоялся. Завтра мы с тобой туда обязательно ходим. Помнится, уезжая в Питер, я клялся там, неподалёку от места

Лёшкиной гибели, что когда-нибудь я непременно стану настоящим грибным директором!

— О, у тебя самый лучший в стране грибной завод! — с гордостью признал сын. — Им буквально пропах весь наш пригородный район, как вот этот межевской лес.

Когда они сели в машину, Мишка повернулся к отцу и неожиданно, запоздало, как показалось Виктору Сергеевичу, спросил:

— Пап, а за что всё-таки погиб Алексей? Ведь он, в сущности, никому ничего дурного не сделал!

Некоторое время грибной директор молчал, словно ему только что привезли крупную партию рыжиков. Потом характерно, как он это нередко делал по выходе из варочного цеха, промакнул лоб белоснежной салфеткой и, неуверенно скрывая смятение, попытался обойтись парой расхожих реплик:

— За что погиб? Думаю, что в том числе и за моих восьмиклассников, за их право в конце концов добиться поставленных целей, дойти до самих себя. И поверь на слово, что это совсем недалеко: всего сто метров... через Большие сосенки.

□

Виктор Альбертович СБИТНЕВ —

прозаик, поэт, журналист.

Родился в Москве в 1955 г.

Окончил филологический факультет и аспирантуру

ЛГПИ им. Герцена.

Печатался в «Нашем современнике», «Литературной России»,

«Мире Севера», «Губернском доме» и др.

Автор трёх книг прозы.

Главный редактор

литературного альманаха «Костромской собеседник».

Живёт в Костроме.

